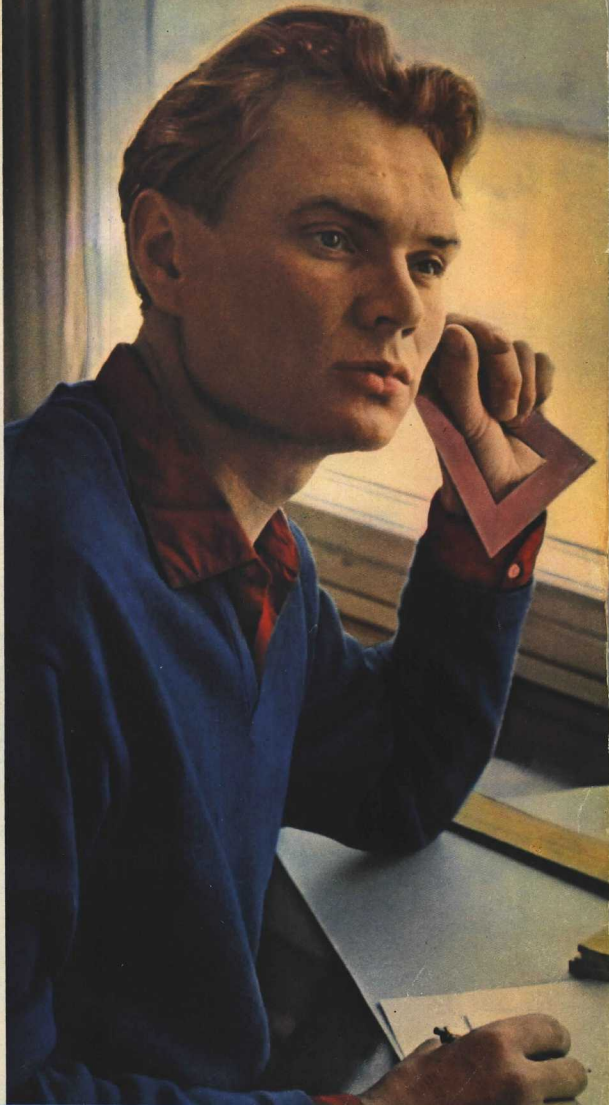

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ТРАВД»

1962

СМЕНА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

1
ЯНУАРИЙ
1962

Год издания тридцать девятый

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВЕЛ

Истинное величие происходящего, как и всякая истина, познается в сравнении. А любое сравнение — это уже движение: от старого к новому, от плохого и совершенному, от чего раньше зашла о величии, безусловно, от настоящего к будущему.

Приблизительно так думал каждый из нас, стоя на исполковой плотине Волжской ГЭС имени XXII съезда КПСС. И это движение — сравнение — представлялось нам увлекательным путешествием, которое начнется здесь, у плотины.

Визу, утратив в размерах всякие подобие реки, покрывалась туманной мутной Волга. Что ни говори, нелегко это дело — сдвигать энергию целого моря в стальной жгут пусть высоковольтного, но все-таки провода.

И проводом тоже трудно. Подвешенные на долговязых опорах, они лихорадочно стравочут от сверхмощного напряжения. Как это у Тихонове!

Силачами встал в толл
Мечты дальней передилл
В сизом мареве терзались
Плеч их черные края...

В тумане плавилась далекие и близкие огни. Если долго не их смотреть, начинало казаться, что плотина, свившись с невидимого якоря, медленно плывет вниз по Волге. Вон там, за поворотом, роится огоньки тракторного, потом будай рыболовецкий колхоз...

А что, если сдвигается — путешествие по реке — ту же вода бы по Волге — описать все, что увидишь на ее берегах? «И селились издавна люди по берегам рек, потому что реки были главным средством сообщения и истинной жизни. Так возникли порывы наши города: Киев, Новгород, Москва...» Эта строчка из учебника истории почему-то отчетливо всплывает в памяти.

Вместе с нами, огульными водным простором и хитроумной сложностью станции, стоял невысокий, серьезный, совсем молодой инженер Емельянов. Он не разделял нашего винного восторга, и его слегка корбило от торжественных эпитетов, которыми мы надевали плотину. Вся машина ГЭС еще в чертах прошла через его руки — от первой перемычки у котлована до последней экспериментальной турбины, которая очень его интересует и от которой мы его отрываем.

Филипп Емельянов приехал на строительство Волжской станции пря-

мо со студенческой скамьи и здесь, на строительстве, вырос до заместителя начальника техникумского отдела управления, получил орден Трудового Красного Знамени. **Всякая точность и безграничность по отношению к плотине задает его и просто обжигает.**

— Если хотите почувствовать время, посмотрите, как здорово работает комсомол, поезжайте по реке, только по нашей, — неожиданно предложил Емельянов.

— По Волге!

— Нет, по нашей электрической реке...

Оказалось, что сейчас вполне возможно не только существование таких рек, но и свободное плавание по ним. Иначе зачем появились на земле вертолеты, самолеты и «газики» с четкой надписью «Электричество»!

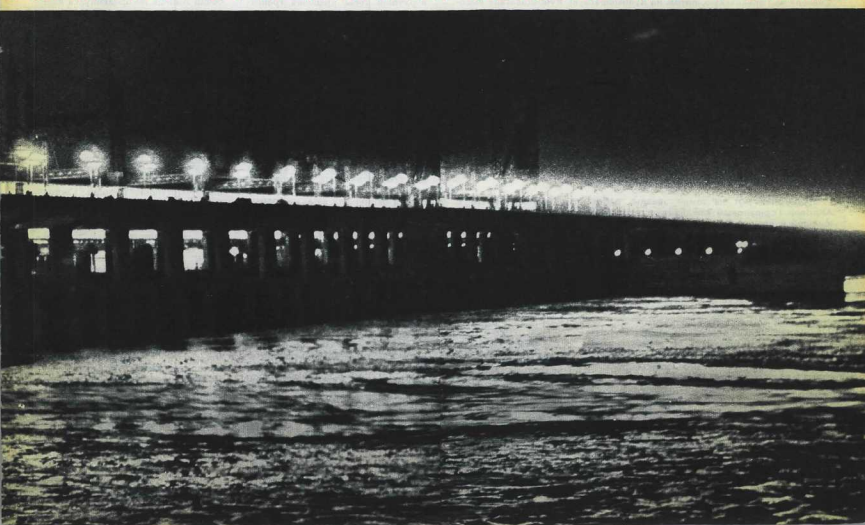
Электричество — удивительный мир. Вечная загадка заряженной частицы, таинственная разница полюсов, молнии, поднившиеся человеку, энергия, ставшая кровью и мозгом самой современной техники.

Маршрут нашего, не совсем обычного путешествия выглядел на карте довольно просто — почти прямая линия длиной сентиметров десять, то есть тысяча километров. Линия протянулась от Волги к Москве, пересекла без малого шесть областей, восемнадцать рек, десять другой железнодорожных веток и, разумеется, поля, холмы, леса.

Но это — на карте уже не видно. И назывались на схемах наша линия номерами — 001, то есть линия электропровода. А в жизни наша река оказалась и мощной, и красивой, и коварной, как и положено быть настоящей реке. Причем наша река — самая могучая и самая длинная из всех своих земных электрических сестер. Она несет на тысячекилметровое расстояние ураган энергии напряжением в пятьсот киловольт.

Побрызганые молчине опоры, гирлянды изоляторов, напоминающие сверху сушеные грибы, елочное свечение у опор во туманные ночи, мерцающий красным светом сигнальный маяк — все это — такая «пляска» этих проводов в ветер, когда стонут от напряжения даже металлические анкерные опоры, рельефные щиты подстанций, зорко контролирующе каждый метр линии, — все это колоссальный хоровод электричества, равный по длине в двух своих ветках Каме — это и есть наша электрическая река — река, созданная человеком и для человека...

ИКОЙ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ РЕКЕ

ВСТРЕЧА

С «БАКЕНЩИКОМ»

На большой реке всегда есть бакенщики. Обычно их описывают такими молчаливыми бироками, чудакватыми и мудрыми неудачниками. У электрической реки тоже есть свои «бакенщики», следящие за тем, чтоб не погасли на ней огни, чтоб не было никаких недоразумений и неполадок. Называют их электриками, воздушниками, линейщиками, высотниками и даже эмалибрстами. Народ это молодой, отчаянный, веселый, любящий острое слово и чуждой мелочности, как и подобает тем, кто имеет дело с большими просторами.

За время путешествия по электрической реке Волгоград — Москва мы встретили много таких «бакенщиков». Вот так на одном из речных поворотов, где-то у Фролово, повстречался и этот. Правильные, крупные черты, резкий профиль, задумчивая улыбка. Андрей Горшуню переживает сейчас беспокойную радость студенчества: перешел на третий курс энергостроительного техникума.

Андрей с детства любил книги, но читать приходилось мало. В их заброшенной мордовской деревеньке не было света, и с наступлением сумерек все укладывалось спать. Потом началась война, надоело отбрасывать у него и свет и книги.

После войны Андрей пошел на электрические реки — реки света. Сначала на Горьковский, потом на Куйбышевскую. Куйбышевская высоковольтная линия омыла светом его родную деревню. И тогда Андрея снова яростно, как в детстве, потянуло к книгам. Все время в разъездах, буквально подвешенный на проводах, он унитрится закончить вечернюю школу и стать студентом. Перезакурником-зачинником он пришел пробовать русло для новой светонесной реки — Волгоградской. И остался на ней «бакенщиком», к стати, одним из лучших.

— Очень люблю читать, — сказал нам Андрей. — И еще люблю, когда вечером светится окна. Очень далеко видеть...

Андрю нравятся стихи Маяковского, особенно вот эти:

Послушайте!
Ведь если звезды
звanzгают —
значит — это кому-нибудь нужно?
Значит — это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда!

Люди зажигают на земле звезды, работают и учатся. Вместе с Андреем Горшуню каждый вечер склоняются над книгой миллионы юной и девушек. И многим из них страницы конспектов и тетрадей освещают волфрамозовые нити, накаленные энергией Волги. Филипп Емельянов, рассказывая нам о строгостеже Волгожской станции, просит запомнить прежде всего, что здесь с пять лет было подготовлено больше двадцати тысяч квалифицированных рабочих и создан специальный филиал Волгоградского института инженеров городского хозяйства.

Линейщик институт стали объявляет набор на отделение электрометаллургии, студенты осваивают новую аппаратуру, питающуюся от энергии электрической реки. И невольно вспоминается, как, отмечая значение первенца советской гидроэнергетики, Максим Горький писал: «Днипр по-божьен и отныне будет покорно служить делу развития социалистической культуры».

Мы плывем по электрической реке в Липецке.

СУДЬБЫ ДОМАШНИХ КИЛОВАТТЫ

Мощная энергетическая ма-
гистраль привела нас в Лип-
ецк ясным морозным ут-
ром. С вознесенной над городом
площадки Ленина открывалась широ-
кая панорама. Стремительно
сбегая с закованной в асфальт
вершинки горы красная гранит-
ная лестница. Внизу парк в снеж-
ном убранстве, полные движения,
городской ступолицы улицы, даль-
ше — чистая голубая гладь све-
ченной льдом реки, мост и лево-
бережье — Ново-Липецк: розовые
в лугах восходящего солнца
корпуса заводских домов и на
самом горизонте гигантские трубы
и причудливые дымы Липецкой
«Магнитки». Хотелось без конца
любоваться этим простором, этой
мощней красотой.

Когда-то здесь, на берегах Воро-
нежья, царь Петр строил корабли
для похода на Азов. А через два
века человек, взойривший на
гору и озирающийся взглядом пладом
двухсотлетнего «прогресса», напел-
ся помяне горечи строки об из-
меняющем от скуки, сплетен и
старья заолупстве:

...Под спудом будней неизменяема
Муж скупой, сплелен и старьем
Куда течет в нем жизнь?
заглянула —
И не вперед, а все кругом.

Вот оно — живое свидетельство
очевидца! И не нужно ни архив-
ных изысканий, ни статистики.
Весь он тут — дореволюционный
Липецк. Таким увидел его в
1913 году поэт Алексей Липецкий.

Советские люди измеряют исто-
рию не веками, а десятилетиями:
через сороклетие лет после Вели-
кого Октября вступил в строй Но-
во-Липецкий металлургический за-
вод; годями: по данным переписи,
в 1959 году в Липецке было сто

пятьдесят тысяч жителей, сейча-
с их почти двести тысяч; мес-
яцм за десять месяцев прошлого
года построена и введена в дей-
ствие новая гигантская доменная
печь; везаемы и дымны, ибо не
прокажут ведам и дня, чтобы ра-
бочий Липецк не продвинулся еще
на шаг вперед по пути, указы-
ваному XXII съездом Коммунистиче-
ской партии.

Творится новейшая история тру-
дового города. Ее движущая сила —
сама наша жизнь, Советская
власть. Плоск электрификации...

Рука на ключе

Каждое утро Сергей занимает
место в маленьком автобусе. Про-
делав шестикилометровый путь,
машина замирает под боком у за-
водных подстанций, и тогда Сергей
оглушает удивительная тишина.
Безмолвно виснут в небо
тридцатиметровые приемные по-
рталы, вытянутые над головой
провода. Безумно течет энергия.

Лишь легкий треск искры от
гирлянд изоляторов, словно сочи-
тся из невидимого баллона газ.

У подстанций красное назва-
ние — «Северяны». Из леса выплыва-
ют к ней широкие оросные оро-
ры и в лес же уходят, словно про-
валиваются. Опоры уходят даль-
ше. Где-то около Грязей в русло Вели-
кой электрической реки вклини-
вается подстанция Липецкая. Она
забирает часть энергии Волгоград-
ского гиганта, передает в Воро-
неж и сюда, на «Северяны». Сте-
нда электричество идет на Ново-
Липецкий металлургический завод, на
подстанцию «Бугор», которая пи-
тает город и его индустрию.

Все это уже давно устоялось в

сознания Сергея, и ему кажется странным, кто кто-то может не знать таких простых истин. Впрочем... Вспоминается, как сам он впервые попал на «Сибиряков». Интересным было тогда все; и то, каким путем приходит в Липецк энергия Волгоградской ГЭС, и сколько ее.

Когда Сергею назвали цифру, он подумал: «Как много!» Но оказалось, что в общем балласт дешёвого потребления энергии, родившегося на Волге, составляет лишь некоторую часть.

Проезжая по проспекту Мира, он увидел далеко впереди, за домами, какое-то дышлообразное сооружение. Ему объяснили, что это цех холодной прокатки, равного которому нет ни в одной стране. Пощады цеха — двенадцать гектаров. Он в десять раз больше знаменитого Дворца спорта в Лужниках. В июне 1960 года цех дал первую продукцию — трансформаторную сталь. Она лентой мчится через валки увеличенного пятикратного стана со скоростью курьерского поезда...

Мы не знаем, правильно ли уловили ход мысли инспектора подстанции, комсомолец Сергея Алексеева, замечая лишь, что взгляд его под стеклами очков вдруг устремлён ввысь, оттенок. Сергей находит растаковывать нам, что к чему точно так же, как Фрунзе некогда растаковывали ему.

Он подходит к шпуре управления. — Видите этот калоч: впервые он был повернут 29 апреля 1960 года. В тот день Липецк получил ток Волгоградской ГЭС. Только после этого заработала линия прокатки, пошел большой кокс...

Небольшой червяк калоч можно повернуть ладонью. Чтобы повернуть его, достаточно незначительного усилия. Это говорит подвратник и начальник подстанции Алексей Сергеевич Фролов, и старший дежурный Петр Богомолов, и его помощник, комсомолец Нина Тимофеева. Легкое движение женской руки, и валы прокатного стана обрывают способность двигаться на столько амплитудой, сколько им дозволено. Это почти триста тонн, мостовые краны могут перенести спятидесятикратной тяжести, станки — резать, сверлить, строгать крепчайшую сталь...

Поверт калоча — и заживается свет в залах, оживают механизмы на колёзных токах, на фермах... За окнами помещения подстанции работают монтажники. Рады с действующей установившейся вторая группа трансформаторов. Где-то там, за стеной леса, новодомы новые цехи, заводы. Значит, все больше тока требует липецкая индустрия, город, село...

Хозяева молнии

«Включено» — светится надпись над пультом управления. Но и без нее нам ясно: дело важная.

Электроподвешенная печь — чан, в котором можно сваришь уху из влинов причающего тока. Варить сталь, однако, — дело далеко не столь безобидное. Грозовые раскаты непрерывно сотрясают пролеты цеха. Глубокие всплохли, языки пламени выпадают высокие снопы гравитационной ирры света. Кажется, из котла стравится и не может вырваться закопанная в броне молния.

А вот и ее хозяйка — сталевары бригады Валентина Кобица — все в одинаковых сухонных робах, в капках, с темными очками на козырьках. Все понимаем друг друга без слов. Резкий посылит, взмах руки бригадира — и у огнедышащего огня вырастают фигуры смеющихся друг друга подручных, мелькают концы лопат.

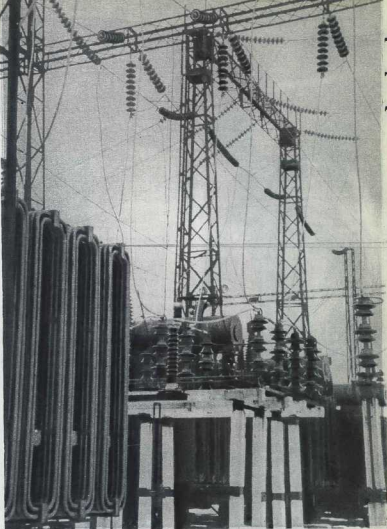
Большой, напряженный труд людей кажется удивительно легким по сравнению с гигантской работой, совершаемой механизмами. Все выливает на своих плачах волгоградский ток: загружает печи, перемещает кипищий металл. Сотни тысяч киловатт-часов в сутки погасают друг друга без слов. Резкий посылит, взмах руки бригадира — и у огнедышащего огня вырастают фигуры смеющихся друг друга подручных, мелькают концы лопат.

«Наша гордость» — говорит здесь об этой стали. Освеще ее вылавливает в электрочекках большого объема — сложнейшая техническая задача. Липецкие сталевальники рванули ее первыми в стране. Саша Порушкин новые тулы в ответственной электроматалургии. Они и волгоградские киловатты!

Самое нужное, самое прекрасное

Ковш с расплавленным металлом проламывает по пролетам цеха, мигнув сиропно жужжащие друг к другу изложницы. Осторожно, словно козыбель, привинчивает его на установке непрерывной разливки. Чугунные формы тут не нужны. Не вдаваясь в технологию, можно сказать: жидкая сталь обретает твердь, превращается в заготовки определенного размера (блоссы) без мотоподобной операции обжатия слитков на блюминге.

Установка — это целый завод. Его спускают семидесят километров электрических ручейков — проводов и кабелей. Механизмы

атрета приводятся в действие сотней электромоторов...

Электрический ток дает жизнь этому чуду. Мы не оговорились — именно чуду! Это слово не раз слышалось с уст многих зарубежных специалистов, приезжавших для того, чтобы познакомиться с работой липецких сталевальников. «Мы посетили Англию, Францию, Западную Германию, Италию, побывали в Канаде» — заявила руководитель делегации бельгийских инженеров Лео Бломпель, — но ничего подобного там на металлургических предприятиях не видели. Была установка непрерывной разливки стали — самая лучшая, самая мощная в мире...

— Какое отношение имеет ко всему этому волгоградская энергия?

Начальник электростанции цеха Алексей Григорьевич Зубурев, рассказывающему нам о непрерывной разливке стал, вопрос кажется несколько неожиданным.

— Право, я не задумывался над этим, — открыто признается он. — Хотя и погодите... Ведь эту рую установку мы смогли пустить лишь после того, как в Липецк пришла ток Волжской ГЭС имени ХХII съезда КПСС... Конечно, имеет. Да ко всему он, ток этот, имеет у нас в Липецке особое отношение! Возьмите хотя бы...

Он называет многое, но главное, что крепко врезается в память — это знатцы, которыми сопровождается начальники цеха то, о чем говорит: самый, самая, самое... Самый крупный цех, самый передовая технология, самое высокое качество.

Завод «Стройдеталь», с которым на другой день знакомит нас глав-

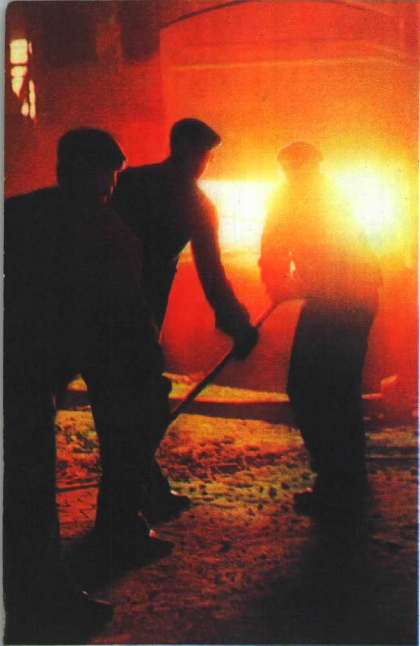
ный инженер Михаил Михайлович Коростеев, тоже «самый» — самый первый из пяти предприятий завода сборного железобетона для промышленного и гражданского строительства, которым намечено встроит в строй за годы, семилетия. И к этому предпринято привлечение свою животворную руку Волжская ГЭС. Уже больше года ее энергия движет механизмы нового цеха крупноблочного домостроения. Не так давно завод обрел еще один цех — крупноблочного домостроения.

А вечером, когда город зажигает огни, мы выходим на самый красивый в Липецке проспект Мира, Широкий, ровный, как стрела, убегают он вдаль. За первой линией жилых массивов встает вторая, а дальше темнеет стена сосен, и на их фоне вырисовываются белые кирпичные коробки. Вырастает третья линия. Ступенчат лес.

Сворачивая за угол, проходим в глубь жилого квартала, и в глаза нам ударяет яркий свет прожекторов. В небе, вырваная из темноты, движется стрела крана, плавают по воздуху бетонная балка с резким квадратом оконного проема. Мы узнаем ее. Конечно же, это панель — детине уже знакомого нам цеха крупнопанельного домостроения.

И тогда замечаем, что почти все дома вокруг такие же — крупноблочные, крупнопанельные. Так вот такая она, оказывается, продукция «Стройдетали». Сколо сорка домов вышла уже из стен цеха крупных блоков, а крупнопанельный выстула пока первый дескток, но скоро будет выпускаться в пята, а потом и в десять раз больше — ежедно по целому городу.

Не по дням, а по часам растет Липецк, по часам, в каждом из ко-

торых, помимо шестидесяти минут, есть еще киловатты.

Ну а люди — возможно, спросите вы, — что нового внесла в их жизнь волгоградская энергия?

Тысячами окон, витрин, новых реклам сверкает проспект Мира. И металл, который плавят в доменных Липецка, и эти дома, магазины, дворцы, кинотеатры — все для людей. Они справляют новоселья, для них зажигаются экраны

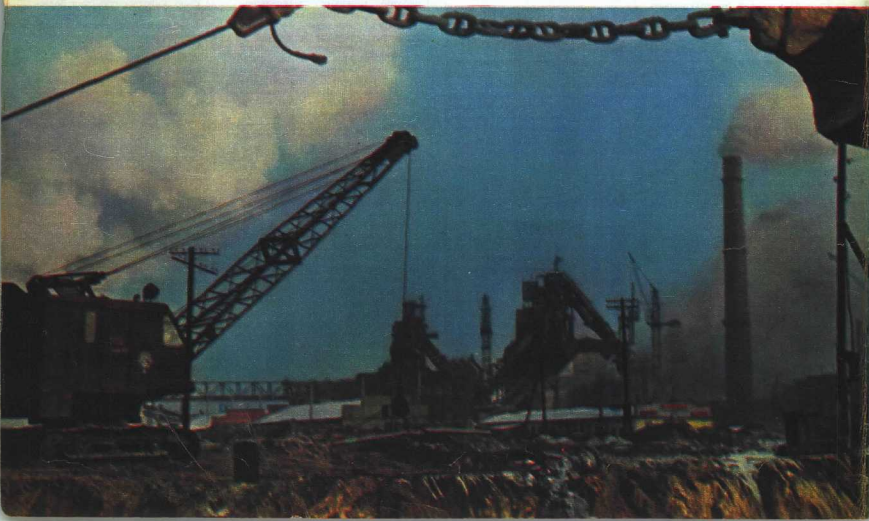
телевизоров и мягкий свет настольных ламп в читальных залах библиотек.

Рост производства, новейшие достижения в промышленности, в науке и технике, свет, тепло и человеческие судьбы... Все здесь, в Липецке, теснейшими узлами связано с именем Волжской ГЭС имени XXII съезда КПСС.

Все самое важное, самое нужное, самое прекрасное...

Кажется, они прикасаются к солнцу. Красив труд жарких молний, выплавляющей стали!

Руками строителей, вооруженных могучей техникой и волгоградскими киловаттами, поднимается над землей липецкая «Магнитка».

На строительстве липецкой «Магнитки» мы встретили инженера Александру Якунину. За плечами у Александры опыт сооружения комбината «Севроцемстек» в городе Мончегорске. Рабочие охотно обращаются к ней по любому вопросу, ибо знают, что все новое, передовое находит у Якуниной самую горячую поддержку.

Неожиданно погас свет. Веселая бра- зильская самба, вих- рем взрывающаяся из те- ного ящика радиолы, по- топталась было в темноте и тоже погасла. И тогда Катя Павлова тихонько сказала: «Ой!».

— Свет перегорел, — «разъяснил» Володя Ша- лав.

Слава Нижегородов чиркнул спичкой. Слабое пламя рыжим зайчиком отскочило от зеркала и разбилось на искорки в круглых очках Кати Па- вловой. Слава полез на стул.

— Хорошая была проб- ка, — сказал он через ми- нуту. — Тамара, ты идё?

— Здесь а, чего тебе?

— Я пойду пробку по- ищу, а ты бы лампу за- жгла.

— А где она, лампа-то?

— Да, наверное, в чу- лачнике...

Пока Слава ищет новую пробку, а Тамара — ста- рую керосиновую лампу, нам можно рассказать о том, как мы попали в го- сти к Славе Нижегородову.

В село Песковатое, на цен- тральную усадьбу колхоза «Маяк», Дубовского рай- она, Волгоградской обла- сти, мы приехали, повину- ясь течению электрической реки. Мы двигались тем же путем, что и тот, большой ток Волжской ГЭС имени XXII съезда КПСС, с той лишь разницей, что ток двигался прямолинейно и безостановочно. Ему не бы- ло дела ни до погоды, ни до разбитых распутиц

ПАТЬ МИНУТ В ТЕМАНОТЕ

сельских дорог, а мы трясели в маленьком кузовике «ГАЗ-69», который ехал не очень приподняв и то и дело останавливался. Мы попали в село в тот самый «элементарный» период, который уже называли навзех осеню, но и зимой еще не называли.

И вот под вечер, обойдя колхозное хозяйство, мы стояли у входа в клуб с нашим постоянным провожатым комсоргом Тасей Арефьевой, радуясь, с кем бы еще поговорить. Из клуба, надевая на ходу полушубки, вышли несколько молодых парней.

— Коле, куда вы? — спросила Тая.

— Да к Славке Нижегороду, на новоселье...
— Вот это правильно! Знаете, обратилась к нам Тая, — Нижегород как раз тот человек, чья нам нужен. Во-первых, молодой, с тридцати последнего года. Во-вторых, лучший шах комбайнер, четвертый год план перевыполняет. В-тре-

тых, а целину его посылали, осваивал. В-четвертых, депутат райсовета, в пятых...

...Так мы и попали на это новоселье, столь неожиданно превращенное перевернутой пробкой...

На столе, наконец, появилась керосиновая лампа.

— Это была очень старая, давно «вышедшая на пенсию» лампа. И хотя она изо всех сил старалась осветить комнату, удавалось ей это плохо.

— Вот так и жила. Даже не верится, — тихо сказала Катя Павлова.

— Не верится! — передрала ей Тая. — А его вчера говорил: «Телевизор надеюсь»? Ведь ты это говоришь!
— Я же не об этом. Я же сейчас думаю, как же раньше на ферме работали! Ведь все руками делали! А теперь у меня об этом и забот нет. Захочет теленку пить — нажмет мордочкой помилку и пьет, сколько хо-

чет. А раньше? Пока воды натащивали...

— Так раньше и телезвонки так, как ты, не было, — вмешался Шалаев. — Мускулатура требовалась. А у тебя что? Не телезвонка, а балерина.

— Ну и балерина... Ты же не балерина. Тот же знаешь, Илья Муромец! А потом, если хочешь знать, у балерины очень развитая мускулатура...

— Ну и сила нам тоже не помеха, — вставала Катя.

— Сила силой, а только ранить сегодняшнюю доярку со вчерашней никак нельзя. Это все равно, что, скажем, грузчик и Kranцовчик. Дело-то одно, а подход разный.

Мы вслушались в этот спор и нисколько думали: Не мудрено, что первым приобретением колхоза с приходом большого тока были электросчетки. И если одно только за четыре месяца «съел» энергии больше, чем прежде все село за-

шло в разговор самих колхозников. И они, эти сравнения, уже совсем не кажутся смешными. Ведь выходы молодежи прочно держатся на «твердых» колонках цифр, на эволюции.

И все это принесла с собой электрическая река. Сначала под самым селом разлилась морем такая спокойная с виду и такая мощная на деле волжская вода, а затем и колхозным пашням пошел один из рукавов рожденной Волгой электрической реки.

Электрическая река — это сравнение звучало здесь бузальню. Главное, над чем «трудится» тот в колхозе «Маик» — орошение. Привлечение земли — сухие земли, надводное небо — суше на дожди. Небду на поля нужно качать! Не мудрено, что первым приобретением колхоза с приходом большого тока были электросчетки. И если одно только за четыре месяца «съел» энергии больше, чем прежде все село за-

год. Затем появилась здесь зернобойка, плуварная, на ферме привели электродомки, избыток воды позволило оборудовать автопоилки. А скоро ток будет «трудиться» на всех ответственных участках. А раз так, то и колхозник по-прежнему превратится в рабочего. Большой ток — вот одна из главных сил, которая стирает грань между городом и деревней.

..В это время брызнул и автопил, все комитат ирчайший свет. И, на какое-то мгновение оттая, кинулась вихрем с диска радиолы веселая брауншвейгская сабаба.

Тая Арефьева подошла к радиоло, выключила ее, потом задула поблужную керосиновую лампу и строго сказала:
— Подождите, девчата. Тут к нам приехали корреспонденты. Они электрификацию интересуются. Как, значит, помогают нам, колхозникам, электричество. Кто хочет выступить?

Электрическая река имеет отношение не только и к мощной мартовской ветре, но и к уютной, в утробе, в телевизоре на полевом стане.

КОГДА РЕКА ШТОРМИТ...

...На электрической реке не всегда спокойно, бывают на ней и штормы.

Как-то утром, ничего не подозревая, мы ехали на колхозке по линии. Единственное, что нас огорчало, — это плохая видимость. Шел сильный снежок. В степи все нахлынувшее завывал ветер. Мастер Шашков, ехавший линейно, объяснял:

— Так идет по проводу, каждый километр которого весит около двух тонн... А вон там, над проводами, громоотводный трос. С этим тросом много хлопот. Вот при таком снежке он покрывается льдом, провисает, задевает провода, а сам плавится. Это уже бедствие... Одну секунду! Остановился, друг, машину...

Шашков выскочил из колхозки и побежал к линии. Потрогал ладонью словую ногу опоры. И вскоре наша машина превратилась в тревожащую радость.

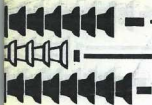
Ре-И я двинулся. Начинаться гололеда, трос провисает. Еду на подстанции, побужаю включить отставку, переводю на прием!

— Петр Алексеевич — отключилась радистка. — Метеорологи только что сообщили то же самое... Еще говорят: ветер порывистый... Восемь метров в секунду...

— Вот такая у нас беспокойная жизнь, — говорит Шашков, когда мы сплоскую голову устремляемся к оштетнившейся акуричным лямками подстанции, где под линией — Пролетарский Новый год я вон на том кургане встретил. Сажу, закутавшись в тул, смотря, не искрит ли где... Опоры светятся — ну, как новогодние елки. А ребята-электрики наверху, на морозе, да ветер еще был крепкий. Обдувало их по-английски, как сосульки... Вот таким образом пришлось встретить 1961 год!

Ветер уже валит с ног. Провода начинают ритмично раскачиваться. Так вон он какой, штормовой сигнал на электрической реке! Это рев многогононых проводов, делящихся иногда гигантские скачки, от которых с корнем выворачиваются стальные опоры. Это ледяные ожерелья, сковавшие громоотводные тросы. Это электрики — воздушные акробаты, ползущие по обледеневшим перекладинам прямо на заблещившемся небе. Это рискованная эквилибристика на трех раскачивающихся, как качели, проводах...

Несколько часов длилась тогда сватка со штормом. Но свет по-прежнему горел во Фролово и Ново-Николаевке, в Поворине и Рыжске. И никто не знал, что штормит электрическая река, ревал разрывавшем ветром провода «вакениции» электрической реки хоршо знают свое дело. Штормовой аврал на трескотки речья берега. Буйный поток электрических частиц по-прежнему рвется к конверторам Липецкой Магнитки, к Рязанскому комбинату искусственного волокна, в цехи Ново-Московского химического гиганта, в школы и библиотеки, в совхозы и колхозы...

ОТ ФОНАРЯ—К ТЕЛЕВИЗОРУ

БАЛЛАДА О ДВУХ ГОРБАНЕВЫХ

Во времена, когда Воронеж именовался губернским городом Российской империи, существовала такая профессия — фонарищик. С наступлением сумерек брел фонарищик по улицам, зажигал фонари, похоже на лампады: склянка с керосином да фитиль.

Рассказывают, жил в Воронеже фонарищик Яков Горбанев, чалотный человек с большими ногами. Освещал город...

Но вот и сюда доползли электрические провода. Лишился фонарищик работы. Новую не нашел.

И будто бы повесился ночью на фонарном столбе.

На воронежском заводе «Электросигнал» мы встретили другого Горбанева, может быть, даже потомка старого фонарищика. Алеша Горбанев изготавливал напильники. А делал он это так. К сверачной оброчке деревянной колоды, именуемой «кобылкой», прижимал ремнями металлическую заготовку, передатчик по заготовке зубило, высекая увесистым молотком на ее гранях насечки. Секунда — удар. В час — три тысячи шестьсот, за смену — более двадцати восьми тысяч ударов...

— До пенсии на этом деле удерживаться, — шутили товарищи.

Но Леша не «удержался». И не из-за какого-нибудь проступка, а потому, что вручную насечки на заготовках больше не высекают: на помощь пришло электричество!

И только как музейный экспонат хранится на заводе «Кобылка» и тяжелый молоток с буквой ручной. На ручке — вмятины: следы пальцев. А Леша освоил другую специальность. В каждом выпущенном заводом телевизоре доля труда Алексея, однофамильца, а может, потомка старого воронежского фонарищика.

ДОМА ИЗ... ЭЛЕКТРИЧЕСТВА

По проводам течет ток. Приводит в движение машины, плавит металл, освещает города, села, ведет поезда. Электрические реки текут по стране! А в цехе лозунг: «Береги каждый киловатт-час! Подумай, киловатт...

— Что такое киловатт-час! — то ли спрашивает, то ли думает вслух Леонид Юрий, комсорг цеха окончательной сборки.

— Ну... единица измерения энергии.

— Единица! Верно. Только не очень наглядно. — Леонид начи-

Мы приближаемся еще к одному повороту великой электрической реки. Новомосковск...

Перед нами встает громада цехов, высоких эстакад, и повисших над землей трубопроводов, складов и железнодорожных путей... Как большой порт на берегах великой реки, стоит Новомосковский химический комбинат.

Днем и ночью колонны автоматов, железнодорожные составы развозят по всему миру продукцию гиганта химии: свайтуры, продукты аммиачного производства, химические удобрения. Пластмассы, мешки, ящики...

Новомосковск... Это название привнес с собой москвичи-комсомольцы и тридцатых годов приехавшие строить на пустыре химический комбинат. А сегодня над серыми каменными воротами этого порта высятся надписи: «Ударица комсомольская стройка» — вместе с начальником штаба стройки Женей Кравцовым и секретарем комитета комсомола комбината Славой Брейлиным мы стоим в огромном зале цеха компрессии. Будто являешься в карстовый пещ, огромные, блестящие серо-синие агрегаты напоминают зал, в котором так много воздуха и света, приглушенным гулом.

Рекса, — повторяла за мной Слава. — Еще надо вон эту электрическую реку так же накачать. Надо было повернуть ее в свою сторону. Надо было задержать ее воды. Надо было строить платину!

И комсомольцы комбината начали строить вместе с комсомольцами платину, чтобы задерживать электрические воды великой реки.

* * *

Цех компрессии — сердце комбината. Огромное, мощное сердце, питающееся газ, непрерывно циркулирующий по огромной системе трубопроводов комбината. Раньше все компрессоры приводились в действие паровыми двига-

телями. Влажные и рваные куски пара лампаж по цеху, засоряя машины.

— Устанавливать надо здесь... Коренастый, белесый Женя Кранцов, начальник комсомольского штаба стройки, подошел к первому компрессору. Рядом с ним стоял комсомолец, вызвавший своими силами установить в цехе вместо парового компрессора первый электрический.

Женя глядел на ребят. Он знал, что сейчас решающий момент. Он вглядывался поочередно в каждого. Вот художника упорный Саша Скобелев, вот Сергей Добров, Коноплев Валда. Нет, они не должны подвести.

— Четыре тысячи киловатт — это не шуточка, братца! — Он улыбнулся и хлопнул по плечу Сашу Скобелева. — Ну, что молчишь? Возьмемся!

А потом на доске объявлений у проходной комбината появилась первая комсомольская «молния» — «Электричество — в бой!». В ней сообщалось, что перевод цеха компрессии на электропривод объявлен удачным комсомольским объектом.

И комсомольцы взялись за дело. В действующем цехе было смонтировано сначала первый, потом второй электрокомпрессор, третий, четвертый... А на пятном получалась осечка.

нает загнать пальцы. — Ставвар, израсходовано киловатт-час, сварили четыре килограмма металла, тактика советит десять метров ткани, лубазовод выдал почти центнер хлеба. Ничего себе единица!

Мы стоим в светлом, просторном цехе. Беспорядочно лежат пелты конвейеров. Если применить дробь, можно подсчитать: в минуту с них сходит 2,1 телевизор.

— А что дает вашему заводу сэкономленные киловатт-часы? — Из электричества мы строим дома, — говорит Леонид.

Домаш! Вокруг завода, на месте, которое когда-то именовалось «пустырем за эстакадой», — жилые кварталы. Дома обыкновенные: многоступенчатые, кирпичные, радио-сложные. При чем тут экономилена электротехника?

— Очень просто, — объясняет комсорг. — Есть стройки, финансируемые централизованно. Есть и другие. Понимаете? Ведь сэкономленная электричество — это деньги. На эти деньги мы и строим.

Мы видели двенадцать домов из... электричества. Дом на улице Текстильщиков комсомольцы завода построили своими руками — для молодого жителя. Так он называется: «Дом молодого жителя». Ярко, весело светятся его окна: в

доме живут счастливые. И счастливых в Воронеже с каждым годом становится все больше и больше.

В год рождения В. И. Ленина в России не горело ни одной электрической лампочки. В Воронеже они засветились примерно за десять лет до Октябрьской революции. А теперь воронежцы заставляют сиять голубые экраны. На Всемирной выставке в Брюсселе заводу была присуждена золотая медаль. В 1959 году телеvisor «Воронеж» экспонировался в

Три года назад, окончив среднюю школу, пришел Ида Коноплева на «Электротехнику». Работала упаковщицей, потом монтажницей. Теперь Ида — контролер на конвейере телевизора «Воронеж».

Соединенных Штатов. Американский инженер Сигал писал в книге отзывов: «Отличная работа! Проверено сделано: удобно, просто, остроумно».

От примитивного уличного фонаря до первоклассного телевизора! Немалый, но радостный путь.

ВОЗВЕДА КОМСОМЛЬСКОЙ ПЛАТИНЫ

ПАРАДОКС И ЛОГИКА

Говорят, один известный шведский гидростроитель утверждал: «Скажите мне, сколько электричества приходится в вашей стране на человека, и в какую валюту, сколько и вас чистится вилл и сколько литров молока даст ваша корова...» В этом несколько парадоксальном заявлении есть своя логика. Ведь электричество — это и высокая производительность труда и культура.

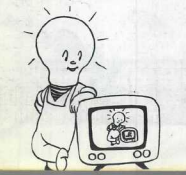
Как-то во время нашего путешествия по электрической реке на нашем пути оказалось небольшое село, окруженное засаженными березами. Оно встретило нас яркими окнами клуба, за полузадернутой занавеской мелькнула девушка с банном.

Это был Трубетчинский совхоз, где работает известный всему Союзу молодой свинарь Иван Качанов. В прошлом году он откармлил около двух тысяч свинок. Но сам Иван сомневался, что не смог сделать больше, — ведь у человека всего две руки. Очень трудно, когда все делают человеческие руки, даже такие ловкие, как у Ивана.

С тех пор прошел год. «Электрификация», являющаяся старинным строительством экономики коммунистического общества, играет ведущую роль в развитии всех отраслей народного хозяйства, в обеспечении всего современного технического прогресса», — записал в своем блокноте делегат XXII съезда партии Иван Качанов. Как раз в эти дни заканчивалась отделка его нового свинарника. В этом свинарнике полухоз питомца Качанова обслуживает электричество: автономки, подвесная дорога для раздачи кормов, механическая очистка свинарника, электрокалориферы. Электричество пришло в Трубетчинский совхоз от великой плотины на Волге. И теперь это наводно, навсегда.

Электричество в общем — энергия, которую сравнительно легко получить, удобно परिवозить на большие расстояния и выгодно использовать. Это те самые 325 миллиардов киловатт-часов, которые мы получили в прошлом году от всех наших электростаций. Электричество в каждом чистом случае — это и подвесная дорога, освободившая руки Ивана Качанова, и бур, грозящийся в порыве без помощи человека, и панели дома, повинующиеся мановению руки Kranовщика. Словом, это та высокая производительность труда, на которую никак не могут претендовать слабые человеческие мускулы и без которой мы не войдем в коммунизм.

— Теперь такая жизнь пойдет! — говорил нам директор Трубетчинского совхоза Штыганков. — На фермах — переустройство... Был у нас раньше десяток «С-80». Одно, знаете ли, мучение: то бензина нет, то что-нибудь отломилось. А тут такое богатство, с полной гарантией, от самой Волги...

Как раз когда шла монтаж пятого, в штаб стройки ворвался Саша Брейкин, взволнованный, баядящий.

— Что случилось? — поднялся навстречу ему Женья Кравцов.

— Я только что из цеха компрессии, — сказал Брейкин и оглядел всех. — Это ж преступление, что там делается!

— Что, опять Рибери? — спросил кто-то.

Рибери был начальником 8-го монтажного участка, ведущего установку пятого компрессора. Он был притчей во языцех, этот Рибери. Он тивуа с монтажом, его вечно не было на участке, а главное, на него ничего не действовало: ни угрозы, ни просьбы, ни угрозы, ни увещания.

В тот раз Рибери вызвал на заседание штаба стройки. Но даже это не подействовало. И тогда комсомолы завода поставили вопрос перед горкомом партии. Рибери был снят с работы. Это была жестокая, но необходимая мера.

Монтаж пятого компрессора был завершен.

А когда приступили к монтажу последнего, девятого компрессора, сердце комбината — цех компрессии — уже чудесно преобразилось. В огромном, ставшем неожиданно светлым и просторным зале гудели мощные электродвигатели компрессора, каждый по четыре тысячи киловатт. Электричество вращало роторы могучих машин.

Оставалось последнее — монтаж девятого компрессора.

Кончилась смена. Из ворот комбината не-

прерывным потоком шли люди. А они — девять ребят из бригады Федора Соломенникова — сидели, покурившись, над собранным только что третьим девятым компрессором. Сидели усталые, залые, измученные. Они делали все, что могли, но монтаж девятого не укладывался в графики работ.

— Ладно, братья, — сказал, наконец, Евгений Кравцов. — Вы идите, а я... я останусь. Займусь подлинником.

Некоторое время все молчали.

— Я тоже останусь, — проговорил Саша Скобелев.

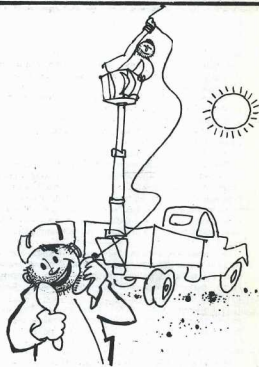
Оставался вся бригада.

А наутро «молодые» комсомольского штаба сообщили о том, что отныне бригада Соломенникова несет постоянную комсомольскую вахту сверх смены.

А еще через две недели члены штаба зашли в цех компрессии. Они стояли и прислушивались к приглушенному гулу девяти компрессоров. Волны стремительной электрической реки, волны могучей энергии хлынула к новым берегам. Мощьность Новомосковского химического комбината увеличилась почти в три с половиной раза.

...Он стоит на берегах могучей реки, сверкающей огнями, огромный порт — Новомосковский химический комбинат. Ни на минуту не умолкает его кипучая жизнь. А электрическая река катит свои воды дальше, дальше...

И, значит, — снова по реке, вдоль ее мощного, сильного потока. Он неудержимо везет и везет нас за собой. Вперед! — новый поворот.

Наше путешествие подходит к концу. Остаются позади шумные берега электрической реки. А река, как и положено, вливается в море. Взяв разбег у Волгоградского моря, она кончается в море электрическом, вернее, даже не кончается, а просто начинает новую жизнь.

Маленькая девочка переключает рычажок. Комсомолка Маша Володина, дежурная диспетчерского пункта Единой энергетической системы (попусту ЕЭС), осведомляется:

— Урали! Урали! Каказ у вас на линии частотой Пятьдесят! Да, а тоже заметила отклонение. Нет, сейчас все нормально...

И вдруг на голубой стенке, затканной светлым узором красных и зеленых лампочек, одна из лампочек начинает нервно подмигивать. Точнее, лампочка восточной линии Ново-Николаевской подстанции.

— Волгоградская восточная! — тревожится Маша. — В чем дело? Меняете изолятор? Ясно, переключаем мощность на западную линию...

Стрелка на циферблате с надписью «Волгоград В.» падает на нуль. А рядом такая же стрелка начинает набирать высоту и вот уже минуток редко достигавшая в современной энергетике давленные в сямсот пятьдесят мегаватт... Паркуются на ремонт одна электрическая артерия, но ведь есть еще вторая, которая в это время потрудится за двоих.

— Горьковская линия! Горьковская! — вызывает Маша. — Что у вас с напряжением!

С чем сравнить этот странный пункт, управляющий энергией всей Европейской части нашего Союза! С сердцем! Но сердце — неудобный и ненадежный механизм по сравнению с диспетчерским пунктом: ведь оно не может послать кровь в любом направлении, так же как не может освободить на временный отдых, скажем, правое предсердие или легочную артерию. Диспетчерский пункт может все! Бросить энергию Урала на помощь Москве или Рязани, заставить Волжскую ЭЭС имитировать XXII съезда КПСС поработать на Бугульму, отключить и подключить любого потребителя энергии.

Свердловск ложится спать, а в это время в Москве самые что ни на есть электрические часы янки: горят все телевизоры, лампы, духовки, работают кинотеатры, троллейбусы, трамваи. У Волгоградского алюми-

нивого случилась задержка или авария — Липецкая магнитка, если ей необходимо, получает весь избыток энергии.

Единая европейская энергетическая система, мечта экономистов и энергетиков, действует! Это самый экономичный, удобный и совершенный способ управления энергией и ее использования.

Текут могучие электрические реки... И в каждом селе, колхозе и совхозе прищипывают люди на счетах, какие изменения вносит в их жизнь электричество. Ведь каждый килограмм-час энергии — это двенадцать килограммов смолотого зерна, или стакан молока, или штук тридцать цыплят, выведенных в инкубаторе... Ломают устаревшие планы и главные инженеры индустриальных гигантов, авташих на пути электрической реки. Новые планы, грандиозные планы, брошенные в жизнь напором электричества.

Но «...чего стоят все планы» (и все «плановые комиссии» и «плановые программы») без ПЛАНА ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ! Ничего не стоят, — писал Владимир Ильич Ленин Кржижановскому.

Электрические реки теплом, светом, металлом, шелком разливаются по городам и селам. А нашу страну все прочерчивают и прочерчивают новые пунктиры строки, по которым человек идет к благосостоянию и культуре. Только в наступающем году комсомол пошлет на электрические реки пять тысяч молодых энтузиастов. Комсомолыцы, как всегда, идут в первых рядах строителей, прокладывающих в нашей жизни новые маршруты — реки электричества, газа, металла, моря нефти и дороги каналов. И везде по этим новым маршрутам советские люди, выполняя предначертания партии, зажигают огни электростанций и заводов, ведут большую и кропотливую работу для настоящего и будущего, для коммунизма.

Путешествие по великой электрической реке совершили специальные корреспонденты «Смены» В. БУТ, А. ЕФРЕМОВ, Т. ИЛАТОВСКАЯ, А. РОМОВ, В. ТРЕТЬЯКОВ. Фото А. СЕРГЕЕВА-ВАСИЛЬЕВА, В. МИШИНА, А. МОРОЗОВА, С. РАСКИНА, В. ПЮКЕЛЯ.

ДОРОГА НА ВОСТОК

Иван ХАРАБАРОВ

1

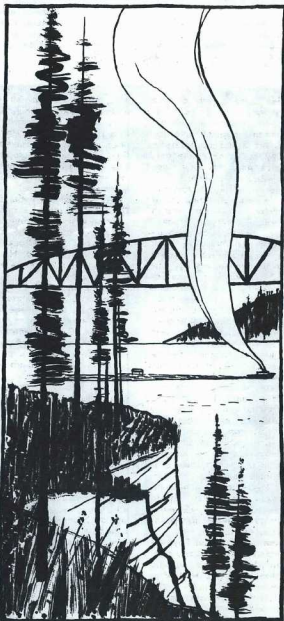
Прощай, мой друг, прощай!
Уходит скорый поезд
В рассветные поля,
в суровый дальний край,
И юность,
как давно законченная повесть,
Осталась позади.
Прощай, мой друг, прощай!
Что будет впереди?
О чем стучат колеса?
Чем встретит эта даль?
Удачею? Бедой?
Что будет впереди?
О чем грустит колысок,
О чем шумят сады
над звонкою водой?
Так бурно и светло
мы прожигали на свете
Студческие дни.
О, сколько раз потом
Мы будем вспоминать
стишки и песни эти,
И споры, и мечты
за дружеским столом!
Нет, нас не соблазнить
ни солнцем и ни югом,
Наш поезд — на восток,
дорога — на восток.
Пожалуй, и неправ:
закончилась не юность,
А смутная пора
мечтаний и забот.
А юность впереди!
Мы у ее порога,
О ней звенят ветры,
шумят леса вокруг,
Нам верить и любить,
нам спорить и бороться,
Да адрасует борьба!
До скорой встречи, друг!

2

Дожди, дожди...
Лесный день похрюд.
Дожди, дожди...
Ни солнца, ни провета.
Угромо старожилы говорят
Про сенское,
ругая грязь и лето.
Под мутным ливнем
мокнуто тополя.
Сибирь и ждешь,
и переждать не чаешь...
Сибирь, Сибирь,
любимая земля,
Невесело же
ты меня встречаешь!
На хмуром енисейском берегу
Холодными, неистыми потоками,
Не поддаваясь грусти и печали,
Любовь и радость в сердце берегу.
Шумит река без отдышки и сна
И мчит вдалеке стремительные воды.
И каждый день от моего окна
В далекий рейс уходят пароходы.
Мне видится другой,
незданий век,
Лесные дали в варене несением
И молодой лобастый человек,
Стоящий над раздолбанным Енисеем.
Он слушает, как летит волна,
И грустно смотрит
на откос песчаный:
Так вот она,
далекая страна,
Сибирь, Сибирь
край горы и печали!
И здесь все та же русская земля,
И здесь, в краю неведомом,
сибирском,

Также же саматы и поля,
Также же леса, как под Сибирским.
Все так же вербы клонятся к воде,
Но берега

суровее и краше,
И там, на неприступной высоте,
Застыли кедры,
как немые стражи.
Здесь жарче лето, холодней зима,
Но каждой веткой,
Глядит нам в сердце
каждою росянкой
русская земля,
Далекий и печальный
край российский!..
Так думал он.
И видел взор его
Не этот берег дикий и пустынный —
Грудных революций торжество,
Размахи империи посылной.
Он видел пламя первых баррикад,
И гнев, и гул, растущий неуловно,
И кровь, и снег на неясных берегах,
И над Россией красные знамена!
А люди там, оковами звени,
По трентам шпальным,
по траве росистой!..

Восток лежала хмурая земля —
Сибирь, Сибирь,
суровый край российский!

3

Я чувствую дышание страды,
Земля родной заботы и тревоги,
И чувствую дыхание страды,
Идущей по негостерной дороге!
Я слышу шаг натруженный ее,
И вместе с нею, радуясь
Я верю в поколение мое, и мучаясь,
В вандию судьбу его и участи!
Я вижу, как в пургу и в холода,
Одной великой верою согреты,
Возводят молодые города
Строители, мечтатели,
Без пышных фраз
посты!
Сдвигая сроки и ломая догмы,
Возводят юность
корпуса цехов,
Дороги строят,
зажигает домы!
Вот почему меня бросает в дрожь,
Когда зловрадный шепот я слышу:
Моя, извильная нынче молодежь,
Все поровот под тепленькую крышу.
Мол, тот стылга,
этот пуствован,
Бездельники, осушники, мальчишки...
Довольно кланче,
провизни и имен!
Нам надоело слышать их.
Молчите!
К чему все эти входы и нытье,
К чему упреки и вражоубия,
Я верю в поколение мое
И в светлое его предназначенье!

4

Да адрасует дорога на восток —
Дорога несдающихся и юных,
Привальный ветер стреластый и тресот,
И аной, и шаль, и горечь трав юнских!
Да адрасует раскатытая сталь,
Гремучие, тяжелые составы,
Сибирская разбуженная даль —
Передний край и молодость лоржаны!
Чем звонче волны молодых морей
И громче врымы на речных порогах,
Тем больше молчаливых матерей,
Стоящих на заснеженных перронах.
Летит и рвется по ветру платок,
Обрутаный прощальными слезами,
Уходит шилонка на восток,
Скрываясь за полями, за лесами.
Пройдя сквозь неполаду, дождь и град,
Через табу, бунтующую хмуру,
Зарожено юности глядят
На волны Енисея и Амура.
Им по душе
такая даль и ширь,
Дремучие задумчивые воды,
Холодный блеск стремительных вершин,
Размах и гул невиданной работы!
Летит и рвется по ветру платок,
Обрутаный прощальными слезами,
Уходит шилонка на восток,
Скрываясь за полями, за лесами.
Все едут на восток и на восток
Сквозь гул лесов
и сквозь дожди комые,
Как будто в мире нет других дорог,
Как будто с места
сдвинулась Россия!

С этого номера мы начинаем печатать рассказы из новой книги Юрия Нагибина «Страницы жизни Трубинова». У главного героя есть жизненный прототип, который силой своего разума, воли, сердца, естественного дара способствовал превращению разрушенного войной колхоза в мощное, высокопроизводительное хозяйство.

Книга готовится к выпуску издательством «Советская Россия» и выйдет в свет в первой половине этого года.

ЮРИЙ НАГИБИН

Рисунки Ю. РЕВРОВА.

СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ТРУБИНОВА

Б Р А Т Ь Я

Ему ли не знать, как выглядят разрушенные войной деревни: они превращались без числа на своем веку! К тому же он слышал, что немцы перед уходом спалили Коньково. Почему же так болезненно поразило его обгорелые строения, голые пни, похожие на кладбищенские памятники, одиночество уцелевших изб, редкие, ископанные деревья, такие черные и сырливые в мутно-желтом свете месяца?

Быть может, оттого, что радом с ожидаемым в нем жили прежний облик Конькова — потонувшей в зелени, не ахти казистой и все же живописной с ее синими наливчиками, желтыми подсолнухами, скворечниками в голубом небе высокой деревушки его детства. Да и апрель ли была веселой эта затишьявшая в глухомани деревня над тонкой, как нитка, речушкой Курцево? Жили тут несуетно и гранатово: банно топили по черному, в избе запах угара переменялся с кислой воонью мокрой телячьей шерсти, куринного помета и поросчьего поила. Но детство все равно было веселым, чистым, свежим; оно не пахло ни чадом сырых дров, ни смрадом набивающегося в человеческое живое зверя, оно пахло близкими, скошенной травой, речкой, снегом, это так рано оборащившееся детство. Ему не было семнадцати, когда труба красноречивой части, расположившейся на привале возле деревни, увела его из бедного родительского дома на горы и святые дороги гражданской войны.

С тех пор было много дорог, земель и стран, но лишь раз воен-

ная судьба подвела его близко к родному краю. В Ответственную войну его партизанский отряд действовал в сотках километрах от Конькова, но побывать в деревню ему так и не привелось. И вот спустя двадцать семь лет он вернулся сюда навсегда.

Движением плеч Трубинов поправил за спиной рюкзаки и круило зашагал по грязи, желто отблескивающей мессацем, к околице, от которой остались лишь поносившиеся столбы. Под ноги ему метнулся какой-то черный клубок, и мертвую тишину пустынной, спящей деревни прорезал бензанный, ахавый, лай. Большой худющий черный пес закружил вокруг Трубинова, давась злобным, хриплым лаем. Трубинов вспомнил старая солдатская шутка: когда собака гонится за машиной, надо резким движением сунуть ей фигу, собака останавливается как вкопанная и замывает в глубоком изумлении. Но сложить фигу было не из чего. Правая рука ампутирована по локоть, а на левой сохранились лишь обрубки пальцев. Он почувствовал, что кто-то рванул его сзади за шинель, быстро обернулся и, не целясь, угодил ногой в бок другому псу. Пес отскочил к вою.

Теперь со всех сторон, внезапно отделился от тыма будто рождался в ней, на Трубинова стали налетать тощими призраками голодными, одичавшие псы.

«Как волон», — подумал Трубинов. — А может, они и верно волчье семенца? За войну многие псы породнились с лесом. Глади, порвут шинель, саломо. И тут в груди ему топанулось костлявое, легкое тело и волею самого горла клещуни собачьи клыки. Знако-

мое, давно не испытываемое ощущение странной, напряженной ясности овладело Трубиновым. Точную прокатительную, морозную ясность он ощущал обычно во время боя, когда мысли, πρόчтения, четкие, рубленые, стремительно проносились в мозгу, облекаясь в решения.

До ближайшей избы ему не добраться. Он еще не овладел равновесием своего одуряющего тела, даже при быстрой ходьбе его заваливает влево. Вокруг ни кола, ни палики, ни камня. Но есть другая безопасность. Хорошо, что он сохранил едае попутно в стационарном буфете бутылку мутного, прокисшего яла. Пить эту дрянь было невозможно, и все же он зачехотил бутылку в карман рюкзака. Сильно давкая плечами и помогая себе левой рукой, Трубинов стал стягивать рюкзаки. При этом он внимательно следил за собаками.

Яростно лая и припадая на передние ноги, они то приближались к нему, то без видимой причины пятлялись назад. Наконец он снял рюкзаки, короткими, непослушными шагами расстелнул рюмашек и нащупал холодное, скользкое тело бутылки. Отравив зубами железную ребрастую пробку, он плеснул в собак ялаком. С восторгом, будто ошаренные, худые призраки метнулись прочь. Куда там волки! Жалкие шавки, обремененные голодом, но сохранившие под нестойбкой сарделелью трусливую покорность бездомным деревенским псам.

Трубинов швырнул в них бутылку и быстро пересек улицу. Собаки последовали за ним, по-прежнему рыча и лая, но теперь уже в почтительном отдалении. Тру-

бинов огляделся. Сам не зная почему, он сразу и безошибочно угадал дом Семена, младшего брата. Это не было из покойных родителей — тот стоял в другом конце деревни, ближе к речке Курцево. Но едае он увидел большую спареную избу под железом, как уже не сомневался, что нашел Семена. Резко изгнувшись, будто за камнем, он отогнал псов, прошел к братниной избе и, глядя на толстые омы залоскавшим маленьким худяком в дверь.

Трубинов стоял так долго, что слабая рука его заболела. Тогда он стал колотить в дверь сильнее. В сенях послышался шорох, с лагом упал железный засов, щелкнула задвижка, тренькнув кривонож, и ржаво заскрипел ключ в замке.

Дверь распянулась. Защищая рукой фитилек керосиновой лампы без стекла, наружу выглянул Семен. Дрожавый, ослепленный бликами по широкому, плоскому, небритому лицу, услышав испуг и смеленность, написанные на этом лице.

Ну, здравствуй, что ли,

сказал Трубинов.

— Братуш! — проговорил Семен, и губы его пополнили в счастливой, расслабленной улыбке.

— Рад, что я, а не кто другой — услышался Трубинов.

— Братуш! — расторожно повторил Семен. Он будто не слышал сказанных братом слов.

Семен сунулся к нему, чтобы объять, лавля ему мешавший стаяе на попорт и крепко прижал брата к своему телу со сна телу. Они поцеловались, и Трубинов ощутил что-то родное то ли в запахе, то ли в густых отцовских руках Семена.

«Может, мы еще сдружимся», — подумал он.

А Семен, давшему лапу с пола и держа ее вровень с лицом, пристально и не отводя и жестяло, вглядываясь в брата.

— Как они теба! — проговорил он, и подбородок его задрожал.

— Разве не знаи! — удивился Трубинов.

Семен качал головой.

— Слышал, что Героя получили, слышал, что ранен... А про это нет... Да и ты в письме ни словом не обмолвился.

И — что, что с ним было на войне, на всех войнах, Трубинов больше всего не любил вспоминать об этом случае. И не потому, что это связывало для него с жестокостью и потерей. Просто что тут и кончилась его военная служба, а потому, что произошло это по-аудации, без пользы и необходимости, чего Трубинов не мог себе простить. Он командовал тогда крупным партизанским отрядом в Белоруссии. Отряд оседал дорогу, по которой отходили партизаны. Офицер немецкой части. Оанды на дороге показались отрядной штабной «Мерседес», вытормозивший крупными шагами. И тут вылетела дивушка Трубинова самому метнуть гранату. Он поднялся из-за куста, заманулся — и начался час и дни непереставной, раздирающей, ни с чем не сравнимой боли.

Слепая пуля немецкого офицера угодила в корпус гранаты, которую он скинул в правую руку, вылетев по прицелу в одну руку вперед, в направлении цели. Партизаны унесли его в лес, но

пока с Большой земли прилетел санитарный самолет, у него началась гангрена. Его оперировали своим партизанским инструментом — пилой-ножовкой. В зубы ему дали кусок доски от минного ящика, которую он всю изгрыз, прежде чем лишиться сознания.

— Ладно, — сказал Трубников, — может, все-таки в дом пустишь? — Прости, братушка. — Семен, смывай платок, апустил брата в сени, напугал за спиной руку и распахнул дверь, ведущую в избу. Трубников прошел в тельней, висело пазиную сумрак избы и услышал, как захлопнули замки и запоры.

— От кого запрещаешь? — спросил он, неловко стегивая со спины рюкзак.

— Дони! — приглушенно крикнул Семен. — Слезай. Егор, брат, приехал.

— Не ори, детей разбудишь! — сказал с печи женский голос. Сидевшая зажавшись калыгулась, показавшая полная белая нога, отсыскивая опору, нога загорялась все выше, Трубников увидел круглые колени, мясистую, тяжелую ляжку; тут мавышка наконец догадалась одернуть подол.

«Раскормил бабу, — подумал Трубников, — с каких только достатков!»

— Здравствуйте, — сказала Дня, протягивая дощечкой маленькую толстую руку. Она была невысока ростом, круглая, полна и крепка, как гречневый орех, лицом, белым и румяным, красива. Когда Трубников подавал ей левую короткопалую руку, она не смутилась и ловко, будто была к тому готова, поймала ее и осторожно встряхнула.

Семен зажг копилку, сделанную из ставанчика тридцатидвухмиллиметрового снаряда. От нее пополз к потолку красноватый свет. Как в блиндаже, только в блиндаже лучше: там воцаряло породному сапогам, портянкам, мокрым шинелям, малюрой, крепким мужским запахом, а тут нос забивало какой-то тухлой кислотой. Ну да, под рукою-инком кадка, до краев полная помоями, а из темной половинки избы несет ребячьими писками. Трубников прищурился. В углу на кровати он различил две детские головы, на сундуке спала девочка, размотав по подушке легкое светлые волосы, на лямке, поставленном на толстые чурбаки, вытянулся долговязый подросток, а в зыбке, подвешенной к матице, видимо, помещался младенец.

— Сколько их у вас? — спросил Трубников, кивнув на детский угол.

— Шестеро, — отозвалась Дня. — В зыбке близнята.

— Живем тесно! — балагурским голосом заговорил Семен. — В темноте все друг на дружку наткнемся. А у тебя кто есть? — Нету.

— Видать, живете просторно, — заметила Дня, собирая на стол. Трубников усмехнулся. Да, жили просторно. А простору — в ползеного шара. За десять лет, может, и года не были вместе. А все же достаточно, чтобы родить ребенка. Но жена Болалась осталась вдовой с ребенком на руках. Хотелось ему сына, да и на дочку он был согласен. Не вышло, и все!

Плеснув воды в рукомошник, Дня вышла за чем-то в сени.

— Фриццы ест! — шепотом спросил Трубкин.

— Один, — так же шепотом ответил Семен, интуитивно уловив намерения собеседника.

— В деревне знают? Семен равнодушно пожал плечами.

Трубкину стало мучительно жаль брата, но против воли вырвалось жесткое, обвиняющее:

— Если б однокласс была, а то по имени мы знаем.

— А что мне было — на пулю лететь? — сумрачно отозвался Семен.

Вернулся Доя с миской соляных огурцов и кашенной капусты, глянула исподлобья, остро, подозрительно: слышала, как шептались.

— Умалыш бы, — сказала Трубкину, — да за стол.

Трубкин बोком ладонью в медный носик рюмкиюю, ополоснул лицо и, выбрав на рушнике место поближе к огню.

— Завтра morning быкшу истопил, — сказал Семен.

— Да я сюда чиста ехал, в отдельный купе. — Семен достал миска с огурцами, кашенной капустой и соляными рыжиками, чугунку с холодной картошкой, тарелочку с салом, горкой лежал крупно нарезанный сыроватый ржаной хлеб.

— Привоизво! — спросил Трубкин.

— Да, не колхозный! — с вызовом сказала Доя.

— А что так?

— Колхоз тут такой: кто посеет, назад не возьмеш.

— Одно ну, — колхоз, — пробормотал Семен, шаркая в стеном шафечке.

— Это почему ж?

— Председатель район прислал, — рассудил агрогониста Доя. — Из инвадиров войны, арена все, только без ног. Так он два дела начал: водку тут да кровь улучшат.

— Это как понизят?

Семен поставил на стол бутылку мутного сыра и граненые стопки. Доя отвешал не раньше, чем Семен разлил спирт по стаканам.

— А так, что две коны краду у одной не задерживается. Я, говорят, хороших кровей и должен в народе уважаться.

Болтал свободно о мужке грек, будто сама без вины. А в чем же вина? С немцем спала. Да а ей было дела? Если уж кого винить, так это Семена. Не ушел вовремя, боясь хозяйства бросить, ну, и получил за свою жандею сполна.

Семен придвинул к нему столу.

— Со свиданьем, братуш!

— Ону, за встречу!

И одну не стану.

— Брегуете с братом выпить? — съязвила Доя.

— Не торопитесь, — холодно сказал Трубкин. — Меня одио здорово умный человек в Испании от того отучил. Наш, русский. Ненавижу, говорил, дружеские взаимки, ковать надо с любовью, а не с виной, а не с душой, с той пори я зарекся.

— Мы не воюем, — сказал Семен, — а хреботать нам и взаимки содятся. — Он цоцнул стопкой по Дюе, отпил, отпил, выдохнул в рот и, закурившись, стал тыкать наугад вилок в ускользающие рыжии.

Доя тоже выпила, а два глотка, не загусив, и прошла в детский угол попарить сплосившее с дощечек одеяло. Вернувшись, взяла соленный огурец и стала сосать.

Трубкин, хоти и был голоден, только покосывая хвалила вареной кашей и отпала вилок. Он еще не научился толком есть своей увечной рукой: джоа жена нерезала ему пишу маленькими кусочками, не подгадывая этому сделать, а просить ему не хотелось.

Он мог дернуть вилок только в кулак, как кинжал, а так ничего съколько не уваживши, гробило, ни огурцов, ни капусты.

— Скажи, Семен, только честно, ты при нем поднимал?

— За себу, что ли, опясать? — недоброе ахнула Доя.

— За себу — нет, а зная надо.

— Не бойся, — сказал Семен серьезно и печально. — Меня уже таксаи-теропила по этому делу. Ни с полицями, ни с какой сволочью не волдися. А партизан насчет карательного отряда предупредил. Да надо, о том зможет.

Федор Иванов казался бывшим командиром, писменное заявление делал. Меня больше не трогают.

— Так чего же ты боишься?

— А чего, — так же серьезно и печально сказал Семен, налил себе водку, выпил, на этот раз даже не поморщился, и медленно стал рассказывать.

— Товерь боюсь. И чужих боюсь, и своих боюсь, начальства всякого боюсь, узакос боюсь, а плуца всего, что семя не прикроило.

— Ну, это тебе арена. А прозрит. Хлеб-то с свящам едите. Семен махнул рукой.

— Не соплях наша жизнь, мужик бедой пробавляется. Кольцо цельных почти не осталось, у всех разруха в хозяйстве, ну а я на всякое соборазо гожусь. С наших гроши собираю. Не жинка, а общества.

— Мешочничавш тоже?

— И это бывало, — спокойно подтвердил Семен. — Когда в доме семь трот, выбирать не приходится.

Трубкин промолчал. Он опял, после долгого перебива, почувствовав свою ампутированную руку.

Почувствовал асо, с палыдами, нотгами, заусеницами, с порозом на ладони, с тонким абручальным кольцом. И пальцы двигались, к чему-то тянулись, и ощущение — будто ошарили, зацепились за некую несуществующую боль аплуса в срезу колты, словно выпил ножовка

ординари Дюе пилила ему разрывало, вырывало, завылаивала. Кость Чобы отлегалась от болы, он встал из-за стола, вытирал из под лавки рюжки и подтянул его к Дюе. И слова за гранный огневой боли воображаемые пальцы пришли в движение, потонулись к тесемкам рюжика, будто железа ли развязать. Чувства, как бедняк и холодеет лицо, Трубкин

сказал: — Белье и портяни оставь, остальное забирай.

Доя ловко развязала рюжку и расшавляла ему горло. Вынул лезвие, вынул нож, вынул нож, вынул на муску костюм, она оторвала нитку и, посушая его, поднесла и светлянику. Нитка затала и едво завоняла своей шерстью.

И все остальное, что привезли Семен Трубкиным, Доя изучала так, будто не в подарок принимала, а покупала на рынке. Тут

у Трубкинова отскелас воображаемая рука, и освобожденный от боли и отчаяния, Дюе, довольствие, наблюдал наглаводу поладку своей родственнице. Насильно лишена женской чести, Дюа, видать, потегисла в себе всякую стыдливость, и освободившись от боли, что думает о ней Трубкин, да и все люди на свете.

Достав со дня мачета большой кусок мармариного стирального мыла, она вдруть слабо ахнунула да немким двачим движением прижала мыло к груди.

— Ох, спасибо! — заговорила она, раскрасневшись, и указывали так уваживши! У нас мило, но за какие денги не достало, погибает от грязи, ой-бугуй!

Отчасти а расчете на ее расторопность Трубкин решил пережить к главному разговору с Семеном. Он уже понял, что Семен — подкаблучник и домом враздвигал Дюе.

— Вот вы жалуетесь, Семен, мол, не жинку у вас, а существование. Правильно, нашьарема не проживеш. Значит, надо колхоз строить.

— Чо? — сказал Семен, подывая на брата чужо замешивше, невеселье глаза. — Какое еще колхоз!

— Не придуривайся.

— Я с тобой по-серьезному, — обижено говорил Семен, — дулма, можат, помочь какую ожажидать? — Он заговорил. В Иску к тебе соборался... Неужто нет у тебя для меня других слов?

— Других слов нет и быть не можеть, — жестко сказала Трубкин. — Всякую власть не отменили. А пока есть Советская власть, будут и колхозы. И для человека, живущего на земле, нет другого пути.

Помочал бы уж о земле, — тихо, но с не меньшей жесткостью сказал Семен. — Чо ты в земле понимаеш? Ты еще пацанком от земли оторвался. Тебе и чины и награды шли, а мы эту землю слезой и кровью поливали. Так нешто подымется он после такого разара!

Семен еще чего-то говорил, а Трубкин думал о том, как странно звучит в применении к нему упрек: «Отрывал от земли».

Иной раз стоило немвоверных усилий, чтоб оторвать от земли и еще больши — оторвать от земли бойцов, залезших под кинжальным огнем противника. В бою за Овиедо ему так и не удалось оторваться. Тебе и чины и награды шли, а мы эту землю слезой и кровью поливали. Так нешто подымется он после такого разара!

Семен еще чего-то говорил, а Трубкин думал о том, как странно звучит в применении к нему упрек: «Отрывал от земли».

Иной раз стоило немвоверных усилий, чтоб оторвать от земли и еще больши — оторвать от земли бойцов, залезших под кинжальным огнем противника. В бою за Овиедо ему так и не удалось оторваться. Тебе и чины и награды шли, а мы эту землю слезой и кровью поливали. Так нешто подымется он после такого разара!

Семен еще чего-то говорил, а Трубкин думал о том, как странно звучит в применении к нему упрек: «Отрывал от земли».

Иной раз стоило немвоверных усилий, чтоб оторвать от земли и еще больши — оторвать от земли бойцов, залезших под кинжальным огнем противника. В бою за Овиедо ему так и не удалось оторваться. Тебе и чины и награды шли, а мы эту землю слезой и кровью поливали. Так нешто подымется он после такого разара!

Семен еще чего-то говорил, а Трубкин думал о том, как странно звучит в применении к нему упрек: «Отрывал от земли».

Иной раз стоило немвоверных усилий, чтоб оторвать от земли и еще больши — оторвать от земли бойцов, залезших под кинжальным огнем противника. В бою за Овиедо ему так и не удалось оторваться. Тебе и чины и награды шли, а мы эту землю слезой и кровью поливали. Так нешто подымется он после такого разара!

Семен еще чего-то говорил, а Трубкин думал о том, как странно звучит в применении к нему упрек: «Отрывал от земли».

Иной раз стоило немвоверных усилий, чтоб оторвать от земли и еще больши — оторвать от земли бойцов, залезших под кинжальным огнем противника. В бою за Овиедо ему так и не удалось оторваться. Тебе и чины и награды шли, а мы эту землю слезой и кровью поливали. Так нешто подымется он после такого разара!

— Да и семь голодных ртов на него не разевается, — проворчал Семен.

«А ведь у меня их скоро будет больше, чем сем», — подумал Трубкин. — Сотня несильных ртов, которые в агитаторе будут, а в хоботах лезуба, будут крыть меня в богу, в душу, в кровь. Пожалуй, братуша Семен, мне послонное время придет!»

— Не думай, Семен, и вы, Дюа, не думайте, будто не понимаю я вас. Не такое уж а высокое начальство, да и вося я в высокие начальство, а в высокие начальство: живем мы при Советской власти.

— Плохо нас твоя Советская власть защитила, — медленно проговорил Семен. — Ни от французской пули, ни от фрицовой, — защитила! — Его небрятые щени слабо проворозили. — Хвати! — Он несильно, но тяжело опустил большой стол.

— Не думай, Семен, и вы, Дюа, не думайте, будто не понимаю я вас. Не такое уж а высокое начальство, да и вося я в высокие начальство, а в высокие начальство: живем мы при Советской власти.

— Плохо нас твоя Советская власть защитила, — медленно проговорил Семен. — Ни от французской пули, ни от фрицовой, — защитила! — Его небрятые щени слабо проворозили. — Хвати! — Он несильно, но тяжело опустил большой стол.

— Не думай, Семен, и вы, Дюа, не думайте, будто не понимаю я вас. Не такое уж а высокое начальство, да и вося я в высокие начальство, а в высокие начальство: живем мы при Советской власти.

— Плохо нас твоя Советская власть защитила, — медленно проговорил Семен. — Ни от французской пули, ни от фрицовой, — защитила! — Его небрятые щени слабо проворозили. — Хвати! — Он несильно, но тяжело опустил большой стол.

— Не думай, Семен, и вы, Дюа, не думайте, будто не понимаю я вас. Не такое уж а высокое начальство, да и вося я в высокие начальство, а в высокие начальство: живем мы при Советской власти.

— Плохо нас твоя Советская власть защитила, — медленно проговорил Семен. — Ни от французской пули, ни от фрицовой, — защитила! — Его небрятые щени слабо проворозили. — Хвати! — Он несильно, но тяжело опустил большой стол.

— Не думай, Семен, и вы, Дюа, не думайте, будто не понимаю я вас. Не такое уж а высокое начальство, да и вося я в высокие начальство, а в высокие начальство: живем мы при Советской власти.

— Плохо нас твоя Советская власть защитила, — медленно проговорил Семен. — Ни от французской пули, ни от фрицовой, — защитила! — Его небрятые щени слабо проворозили. — Хвати! — Он несильно, но тяжело опустил большой стол.

— Не думай, Семен, и вы, Дюа, не думайте, будто не понимаю я вас. Не такое уж а высокое начальство, да и вося я в высокие начальство, а в высокие начальство: живем мы при Советской власти.

— Плохо нас твоя Советская власть защитила, — медленно проговорил Семен. — Ни от французской пули, ни от фрицовой, — защитила! — Его небрятые щени слабо проворозили. — Хвати! — Он несильно, но тяжело опустил большой стол.

— Не думай, Семен, и вы, Дюа, не думайте, будто не понимаю я вас. Не такое уж а высокое начальство, да и вося я в высокие начальство, а в высокие начальство: живем мы при Советской власти.

— Плохо нас твоя Советская власть защитила, — медленно проговорил Семен. — Ни от французской пули, ни от фрицовой, — защитила! — Его небрятые щени слабо проворозили. — Хвати! — Он несильно, но тяжело опустил большой стол.

— Не думай, Семен, и вы, Дюа, не думайте, будто не понимаю я вас. Не такое уж а высокое начальство, да и вося я в высокие начальство, а в высокие начальство: живем мы при Советской власти.

— Плохо нас твоя Советская власть защитила, — медленно проговорил Семен. — Ни от французской пули, ни от фрицовой, — защитила! — Его небрятые щени слабо проворозили. — Хвати! — Он несильно, но тяжело опустил большой стол.

— Не думай, Семен, и вы, Дюа, не думайте, будто не понимаю я вас. Не такое уж а высокое начальство, да и вося я в высокие начальство, а в высокие начальство: живем мы при Советской власти.

— Плохо нас твоя Советская власть защитила, — медленно проговорил Семен. — Ни от французской пули, ни от фрицовой, — защитила! — Его небрятые щени слабо проворозили. — Хвати! — Он несильно, но тяжело опустил большой стол.

— Не думай, Семен, и вы, Дюа, не думайте, будто не понимаю я вас. Не такое уж а высокое начальство, да и вося я в высокие начальство, а в высокие начальство: живем мы при Советской власти.

— Плохо нас твоя Советская власть защитила, — медленно проговорил Семен. — Ни от французской пули, ни от фрицовой, — защитила! — Его небрятые щени слабо проворозили. — Хвати! — Он несильно, но тяжело опустил большой стол.

Трубников ожидая удивления, огорчения, разочарования, но на большом лице не было ни тени такого. Такая глубокая, текучая искренняя жалость, что он растерялся.

— Братуша, милый, за что же тебе так? — сказала Семенов так тонко, что и при встрече колдуна увидел почкаленное тело Трубникова. — Чем ты им не угодил? Сколько крови пролил, рук лишил? Ты ли у нас самый заслуженный?

— Брось чепуху гордогити! Я сам попросился.

— Вот, дядько, что с людьми делают! Я mismo его слова продолжал Семенов. — Разве на них угодили.

— Да перестань ты, дураки-гити! Говорю тебе, по своему же желанию пошел.

— Жена ваша, значит, поспе придет? — как-то очень важно спросила Доя.

Трубников чуть смутился. Ему неясно было, зачем спрашивает, и жена наотрез отказалась ехать с ним в деревню. Коренная москвичка, человек насколько городской, она знавала, что везе в Москву для нее все равно, что в Москву.

Он пригрозил ей разводом, она равнодушно ответила, что развода не даст. На жалованье учительницы пенсия не проживала. Кроме того, ей не оставят трехкомнатной квартиры. Трубников увидел то, что человек, более pronounced в чувствах, утратил бы квартиру.

— Ты рываешь. Была любовь к нему, но не выдержала бесконечных разлуки, вечно за него страдала да и ты, что он вернулся обрубком.

— Сам-то он любил жену? Он так привык скучать по ней, что вдали от нее, стремился к ней своим всем неуловимым желанием, словно в мире не было других радостей, кроме близости и естественности, что принимала за любовь эту сладостную силу притяжения. Но когда состоялось их последнее разлука, он в себе только холод и отчужденность с примесью досады. Оказавшись, жена не занимала большого места в его душе.

Оставаясь он в Москве, она бы продолжила жить с ним по привычке, из жалости, из выгоды: квартира, большая пенсия, пак, всякие льготы, да и не так плохо сохранившаяся, заново устроит судьбу. Но поступиться своим удобством, Московской ради не хотел, не прощавшись.

«К чему темнота?» — думал он сейчас. — Все равно скоро узнается.

— Нет! — сказал она — жена не придет. Дома остался при пенсии и квартире. Так что я вроде бы женатый холостак.

— Ну, здесь недалеко в холостяцком покое, — лениво пошутила Доя.

Трубников понял, что если он поклянется партийным билетом, женой, звездой Героя, если станет членом партии, образцовый пример будет доказательством своей искренности, ему все равно не заставить Дюню поверить, что пришел он сюда не по собственному воле, а не в результате жизненного крушения. Жена не поехала с ним, не захотела делить его сыновья, сопутствовать неудачнику — все это ему было совершенно не стоило для Дюни и попейки.

— Ну, и черт с ней, ему важно убедить Семенова. Трубникову нужен помощник, человек, которо-

му бы он верил, как самому себе. Он тут чужой, пришелец, ему не на кого опереться. Семенов знает людей, знает хозяйство, надо, чтобы Семенов был с ним. Он во всем ищет выгоды и в Москву к нему и собрался, конечно, не за советом, думая, что Семенов будет попустешней от преувеличенного брата. Здесь его надежды рухнули, надо пробудить в нем другие чувства. Семенов должен поверить, что брат не погорел, что явился сюда для настоящего дела.

— Один большой человек — в правдике с тобой, меня пла, Мавзолов стоит — стертый друг, сказал мне, когда я вышел из госпитализа: «Иди почетным инвалидом ты не сможешь, возвращайся к земле, Егор, поднимай колхоз, покажи, не что способные старые фронтовики...»

— Ну, и что? — скудно спросил Семенов.

— Я и тому, что никто меня не попустил, наоборот, создали все условия для отдыха, одной пенсии три тысячи...»

— Постой! — охнул Семенов. — Это ж надо! Да с такими деньгами... тут тебе и корову, и птицу вскую, и поросат за милую душу!

— Постой! Да кончить. Ты знаешь, я не трачу. Коль уж я сюда совсем пришел, можешь быть уверен, наведу порядок. Скажу тебе по секрету, меня пла, Мавзолов армянский министр принял, дадут нашему колхозу два грузовика бесплатно, чуешь?

— Последние слова Трубников произнес с ноткой надежды.

— Хочешь от меня совет? — с твердой печалью сказал Семенов. — Перенючай, огдохни и утремочку Семенов тебе по станции. Московский идет а десять пятнадцать билет по орденской книжке без очереди получишь. Не лезь ты в нашу грязь, мы к ней привыкли, а тебе не нужен грязный, вольный. Ничего не добьешься, только измучаешься и здоровье дерлом загубишь... Может, думаешь, тебе тут что образуется? — заговорил он громче, с гневным напором. — Моя, пришел герой, извистельно... Да кому ты нужен!

Устал народ, изверился. Любый палище, бабыне, вроде того старинцы, людям доходящие, он по крайности никого не трогал. Я четыре класса кончил, я знаю: помножик нуть хотя на миллион, а ты не можешь ни считать, ни и у нас. Увася подбору-подозору, не сможешь понапрасну.

— Да... — Коротким вздохом Трубников подалеет мотнул. Хорошо поговорили. Телега знаю на тебе рассчитывать нечего. Ну, что ж, Семенов, оставим этот разговор. Жизнь покажет... Но только — закончи! Он утернул, — а колхозе я вас все заставлю работать, и тебя, и ее, — он кивнул на Дюню, — и старших ребят. Не думайте отговаривать, я человек жесткий.

— Ладно вам! — сказала Доя и ласковой прикрила зевков. — Разошлись, летушки! Спать надо будет.

И то правда, — как-то разом оствясь, согласился Семенов. — Утро вечера мудреней.

Трубникову постелили на лавке, в кухне, где ужинали. Семенов с Дюней отставили на лавке, а Семенов занавеска подергалась и стелла. Трубников стал стывать стелла. Утираться маленьким кулачком в поддеом, он спития носком

другого сапога сдвинуть пятку. Сапоги, разбухшие от сырости, снова навалились на него, и Семенов давился. Он хотел было позвать на помощь Семенова, но раздумал. Спать обдум? Не отдохнешь. Можно спать в одежде, это не так важно, как бы ногам было приятно.

Он снова что есть силы надавил кулачком на поддеом, и несущая рука зашвилялась и потянулась к поддеому куке-орку. Стараясь не обращать внимания на эту призрачную руку, Трубников давил все сильнее, и вот наконец, с силой, которая пошла в голенище. Он стразнул сапог на пол, как поверженного врага, разломил и сбросил портянку. Со вторым сапогом дело пошло быстрее. «В общем, разуваться могу сам», — удовлетворенно подумал Трубников. Помогая себе плечами, он шнал гимнастерку и лег под худенькое одеяло голый.

— За одним была нога, а в ночи бродили слезы развали облавные его бездомные, озлобленные и трупные пахоты, которые сродни брату Семенову. Но с псам он справился, а с братом нет. Трубников поморщился: что ни говори, а сегодня он потерял надежду на покой.

Однажды Осведом, когда ему не удалось поднять бойцов в атаку. Плохо начинать с поражения. Странно, ему никогда не удавалось осилить Семенова.

— Но армянским мальчишкой, вечно в синяках и ссадинах, а Семенов — тихоня, чуть что — хоронился за машинку подпол. Его невозможность выдержать драку — в тех редких случаях, когда это удавалось, неуклюжий, неповоротливый Семенов держал так упорно, терпеливо и обстоятельно, что Трубникову пришлось несколько раз отступить от него.

Пожалуй, Семенов терпел больше ущерба, но после боя оставался за спиной, надо отнять ему справедливости, он ни на что не плакал и не жаловался матери.

Трубникову никак не удавалось заснуть. Он лежал на спине с закрытыми глазами, тихо и недвижимо, хорошо знал, что лишь так может прийти сон, а когда ворочаешься, устраиваешься поудобнее, кишьешь точку, ничего не услышишь. Он старался прогнать мысли, но ему удавалось вопреки желанию.

Неужели права Семенов, и люди так смились с бедой, с развургой, нищотой, нищотой, как ты? Ногой давай! Не может того быть, вранье это, наговор! Конечно, надо повсеместно устал, а конковидно, верно, достало больше других, справа араг гонимых, потом демобилизованный старшина, улушатель породы, а все же связанное Семеновом относится к нему.

Иногда, а не то сейчас деревне. Семенов всегда был в душе единичником, даже когда работал в колхозе. Если б не революция, он бы непременно в кулаки вывел.

Случайно стал уже редким. Ему не раз встречались капиталисты без капитала, кулаки без богатства, банкиры в ситцевых штанах.

Случайно стал уже редким. Ему не раз встречались капиталисты без капитала, кулаки без богатства, банкиры в ситцевых штанах.

Случайно стал уже редким. Ему не раз встречались капиталисты без капитала, кулаки без богатства, банкиры в ситцевых штанах.

Случайно стал уже редким. Ему не раз встречались капиталисты без капитала, кулаки без богатства, банкиры в ситцевых штанах.

Случайно стал уже редким. Ему не раз встречались капиталисты без капитала, кулаки без богатства, банкиры в ситцевых штанах.

Случайно стал уже редким. Ему не раз встречались капиталисты без капитала, кулаки без богатства, банкиры в ситцевых штанах.

Случайно стал уже редким. Ему не раз встречались капиталисты без капитала, кулаки без богатства, банкиры в ситцевых штанах.

Случайно стал уже редким. Ему не раз встречались капиталисты без капитала, кулаки без богатства, банкиры в ситцевых штанах.

Случайно стал уже редким. Ему не раз встречались капиталисты без капитала, кулаки без богатства, банкиры в ситцевых штанах.

Случайно стал уже редким. Ему не раз встречались капиталисты без капитала, кулаки без богатства, банкиры в ситцевых штанах.

Случайно стал уже редким. Ему не раз встречались капиталисты без капитала, кулаки без богатства, банкиры в ситцевых штанах.

же не снизила голоса до шепота. — Куда ему деваться! А потом, он не дадут на него давал.

— Мать, честная, я бы забил о том! Верно, когда в тридцать четвертом створил родительский дом, Семенов приехал ко мне в Москву, а я в Москву приехал к нему.

— А за что его все-таки в Москву выслали? — спросила Доя.

— Кто его знает! — задумчиво сказал Семенов. — Он со всяким несправедливо обращался, может, кому не потрафил, темна вода.

— Нет! — сказала Доя. — Жена его прогнала, нехотит ей за калекую все свои губить.

— Дура! — свистко сказал Семенов. — Тут политическое.

— Дура! — пренебрежительно сказала Доя. — Политическое его бы не стоило, куда подальше сослала. Жена ему изменила, а он по гордости все имущество бросил, а Семенов же, а он нам жизнь не изгадит!

— Брат все-таки... — неуверенно произнес Семенов.

— Сейчас, к утру, тямный дух, не поспит, а встает, а встает, почти матерьяльную плотность. Трубников приподнялся и распластался.

— Черт! — кринула Доя.

— Душно, очко отдала. Ишь, распорядитель! Ишь выстушился.

— Ладно! — Трубников закрыл глаза.

Подслушанный разговор не рассердил его, напротив, наполнил жалостью к этим тупым, завязшим в толпком мелководье людям. Я все равно не могу ступить, обриском, за уши, а вытаску. И вы еще скажете мне спасибо, от сердца скажете...

Понимая законы, которые движут людьми, Трубников не мог не учитывать большое тонкое подосновное человеческих характеров, того, что он презрительно называл по себе «кровоосточивости». Все мы сивтаемся с людьми, так или иначе нам близкими: родственниками, однокурсниками, сослуживцами, однополчанами, соседями. Семенов жил во внутреннем сопереживании с собой, но ему далеко успевал в мире, бесконечно далеко от него, Семенов по себе гордился братом, радовался его удаче, а Семенов же, а он нам жизнь не изгадит!

Так, он не стыдился несколько братью у него деньги на постройку новой избы или на покупку коровы. Егор ковал, получал орден и звания, а Семенов, единственный в деревне, подел дом железу, кулея городскую мебель. Он толкал первенства в своем малом мире, а Семенов же, а он нам жизнь не изгадит!

Но когда Егор ступил в его пределе, Семенов же, а он нам жизнь не изгадит!

Он просто не поверил в брата, испугался, что тот своим неуемным наломом дров и подорвет его, Семенов, бедный достокот. Когда же Егор ступил в его пределе, Семенов же, а он нам жизнь не изгадит!

Да, он превыше всего ценит рубль, но земляной рубль он ценит больше. Семенов же, а он нам жизнь не изгадит!

Семенов же, а он нам жизнь не изгадит!

Семенов же, а он нам жизнь не изгадит!

Семенов же, а он нам жизнь не изгадит!

Семенов же, а он нам жизнь не изгадит!

Семенов же, а он нам жизнь не изгадит!

Семенов же, а он нам жизнь не изгадит!

КНУТ И КАЛЕЙКА

Когда он проснулся, было светло. Голубые ходики на стене показывали девятый час. Воздух в избе стал чище и прохладнее, навстречу, пока Дюна хлопотала по хозяйству, Трубников достал из рюкзака полотенце, умылся и заглянул в горницу. Там возлился на полу двое мальшей лет четырех-пяти, оба русые, голубоглазые, как Семен. У окна сидела большая девочка с длинными светлыми волосами и журчала тихим голосом какую-то песенку. У окна в забие тихо поклопались близнята. Ни Семена, ни Дюны, ни старшего парня не было.

— Петька! — позвал Трубников. Один из мальшей аскнул на него круглую смышланую мордочку.

— Чего тебе? — проговорил он хрипловатым детским голосом.

— Так вот ты какой, Петька! Если не знать, то и в голову не придет, что чужого ты семени.

— Ну-ка, поймай козюда! — сказал Трубников. — И ты иди, как тебя звать?

— Васья.

Ребята подошли.

— Вот там-то здесь, — указал Трубников на голенище сапога. Ребята ухватились за черную кожу маленькими крепкими пальцами, Трубников залез за ушки и благополучно наткнул сапог. Таким же способом он обул и другую ногу.

— Это на войне тебе руку оторвало! — спросил Васья.

— Ага.

— У, фрицы проклятые! — повторив, видимо, не раз слышанное от взрослых, сказал Петька.

Трубников поел хлеба с солью, запис водой из кадки и вышел из дома. Улице была густо замешана толстой черной грязью, а по окраинам апрельское солнце уже просушило землю, вышло из нее зеленую траву, желтые и синие цветочки. Трубников шел по улице, пытаясь вызвать в памяти ее прежний образ. Но она помнила ему какое в общем; даже уцелевшие дома, а их было куда больше, чем ему виделось ночью, не толкали память к узнаванию.

Лишь раз шевельнулось в нем смутное воспоминание. За канавой, пересекавшей улицу, широко раскинул ветви старый вяз. Еще ред Трубниковым во всю зеленую, шумящим могучей кроной, покрашенной вадру широкой, как заворо, фиолетовой молнии.

Верно, было такое в детстве: ветер и молния, и пронзительно зеленый в солнечном сумраке предгрозя старый вяз.

Трубников перебрался по мо-

стику через канаву, бурлящую темной водой, и увидел слева, по другую сторону улицы, длинный приземистый серый под соломенной, злиющей огромными проемами крыши. Возле распнутого ворот высилась грудка раскисшего навоза. Похоже, коровник. Трубников стал осторожно переходить улицу. Ему это было не просто, все равно что перейти речку аброд. Сапоги увязли в грязь, его заваливало влево, в перелес тела, он чуть не запашал носом в грязь. «Хорошее было бы для меня начало», — думал он, злясь и усмекаясь.

Из ворот серая вышла старуха с подотнутым подбородком и, прикрыв козырьком ладони глаза, стала смотреть на небо.

— Здравствуй, бабушка! — сказал Трубников, подкоча. — Ангелов божишь, что ли, высматриваешь?

— А тебе что за дело? — отпрыгнулась старуха с узким, костлявым лицом и сухими тонкими губами. Нет, не помнил он ее, да и она навряд ли его помнит.

— Так, к слову. На земле сейчас больше интересу. Это у вас что, коровники?

— Аль ослеп? Не видишь?

Трубников видел в полутьме сарая загаженные стойла, желоб, полный мочи и навоза, смутно таянущее тело лежачей коровы; дальше отсюда хлев не проглядывался. Конечно, он не был еще председателем колхоза; инструктор райкома придет лишь вечером для проведения выборов. Но ему скучно было болтаться весь день неприкаянным, да и грех расточать даром время.

— А ты тут как работаешь? — спросил Трубников старуху.

Старуха поглядела на него, и догадка, что перед нею изначально, отразилась на ее большенном лице скучным и покорным выражением.

— Скотинцей.

— А доярки где?

— По домам сидят.

— Это почему же?

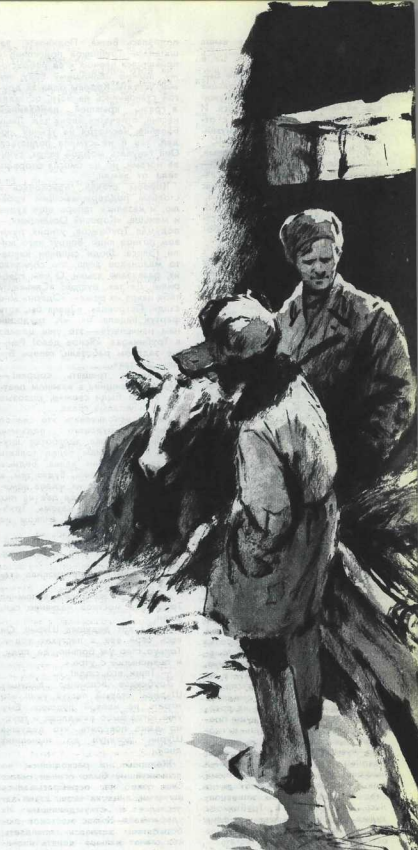
— Чего им тут делать? Оголо-

дала вконец скотина, навозом доится. — В нудном, скрупулезном полове старухи проглянула горечь.

— Ну-ка, заидем!

Трубников шагнул в смрадную полутьму коровника. В невозной жиже лежало около десятка коров, похожих на рогатых собак — так млеши и худы были их изможденные голодом тела. Голубое небо глядело на них в разрыве соломенной крыши, обвисевшая в пепельных вадриях глаз.

— Корма еще осебно кончили. Подстлужи скотинки, аон крышу скрамлюва! — сказала старуха и вадру тонко всхлинула.

— А чего не луг не гоните! — Де, иный, они ж подлялись не могут!

Трубникова уже не занимало, имеет ли он право распорядиться. Просто он принял на себя командование, как сделал бы это в боевой обстановке, увидев, что воинская часть осталась без командира.

— Есть у вас заварничок? Нет. Пастух есть! Нету. Ладно. Ступай

по домам, старая, приведи сюда дозор. Да поскорей. И кнут раздобудь. Мужики какие подвернутся, гони сюда. Не пойдут — вадзей, Ясно!

— Так точно! — по-солдатски гернула старуха.

Длинноножка, настая, угрюмая, она вадру поверила, что этот незнакомый, умещий приказывать человек сплетет от погубили несчастных животных, улыбуясь

ему тонкими губами, еще выше забрала подбор в шаг и кинулась вон из лова.

Вернулись она неожиданно быстрой сорочкой, и в шапке, и в шапке женщины и ребятишек—из мужиков ей никто не повстречался. И кнут принесла, старый кнут с отполированными в шелк кнутинки.

Трубников оглядел холодные, настороженные лица дорюков—ни одно не ответило ему том спавшим светом, какой исходило от лица старой скотицы. Ладно, всему свой черед. Трубников покрепче сжал кнутинки и почувствовал, что кнут у него не слабее.

Малышкой он обращался с кнутом ловчее всех деревенских пастухов, умев извлекать из него коровий, сухой выстрел, подобный выстрелочному, и пулей метную дробь, и острый чих, какой издает пробитая шилом капсула от ружейного патрона, и какой-то, раскатывший звук, слышимый за дальним холмом угула губица. И сейчас несуществующая рука проделывала нужные движения: выбрасывала кнут вперед, ловила—равно в кнут, и снова всю руку вперед с внезапной откаткой на себя. Но левой рукой ему не сделать этого, да и не хочется сделать холостой кнутинки оборот по кругу.

На корушках сохранились написанные чернильным карандашом прозвища коров. Будто в смех, прозвища были красивые, как в сказке: Болыничий, Ягоды, Ветка. А владычицы этих красивых, любовно выбранных имен валились в навозную жижу—скелеты, обгнутые залоснявшей кнутовишкой. Будто в навозный поперобав целенути кнутом, но волосистой кожей завяз в навозном болоте. И тут же среди женщин появились осли. Услышав осли Следит, как за врагом, дуры несчетные! Не скрываясь более, Трубников рванул кнут, зоревая сплетилась и упала у его ног. Мысленно вывержая каждое дышанье, он снова взмахнул кнутом—и на этот раз почувствовал упругое натяжение веревочки. Бабы смеялись уже громко. До чего же их довели, если вытравлены из души простая крестьянская жестокость к скотине! Еще раз, еще и еще, вот он уже чувствует кнут. А ну еще!

Навесок заодно, кнутом анул выстрел. И, услышав знакомый звук, веющий оро пастибица, о сладкой траве, коровы зашевелились, повернулись и Трубникову худые, грустные морды, а одна из них кажется, Ветка, дернула острым крупом, вставая встать. — Подымайте!—крикнул Трубников женщине.

Старуха скотица ухватила Ветку за облезлый хвост. На помочевой пришла стаяная женщина в белом вязаном платке. Но вот и другие женщины с ленивой и невозможной последовали их примеру. И ребятишки встали в это дело, как в яругу. Трубников плазил кнутом, порой жалел задние ноги коров, чтобы поддать жару. Хлюпала навозная топь, шумно и жалостно дышали коровы, ругались на коров, друг на другую дорюки, командирски покривляла старуха скотица, и во всем этом переполоху начинало чернеть.

Первой, разбравшая вонючую жижу, оксалыжились, разрезавшие ногами, будто толо, впервые пытающийся стать на племья ноги,

поднялась Ветка. Поднялась, зашаталась. Трубников подскокил и привалился плечом к ее ребрасто-му, зелено облезшему боку, помог устоять. Коровы одна за другой становились на ноги, оставаясь в грязи, крышей деревянный настил, отменили своих тел. Лишь Ветка, несмотря на усилия людей, так и не сумела подняться. Она ткнулась мордой вверх, сучила ногами, но не смогла оторваться от земли.

Ветки поднялись, прислонясь к столбам, поддерживающим кровлю, и казалось теперь еще худее и меньше. «Коровой Освенцима»,—подумал Трубников, утирая рукавом пота лоб. Вокруг него жили голоса. Люди сделали какое-то маленькое дело, это сблизило их, разрежало замын. О чем говорил! Да так, пусто: «Самка, у тебя навоз на роже, Юдерики, а мы сяди! Петровна, «Знала бы, хоть фартук надела бы, «А трудники нам нечистая!»—это уже целило в Трубникова, «Ясное дело! Говеще заребать работам, теперь будем за так».

— Хватит трещать, сорочи!—сказала женщина в вязаном платке. У нее были свинские, розовые скулы и усталые глаза.

Решив использовать это слабое подобие трудового подыма, Трубников снова заребтал кнутом, а женщины, подняв головы, жонглировали уперлись, будто там, в голубом прозоре, их ждала немаленькая гибель. Когда две из них снова плакнулись, Трубников понял, что тут симком не возьмешь.

— Стой!—крикнул он.—Найдем у вас тут кто на дудочке играет?

— На чем?—переспросила старуха скотица.

— На жалейке,—вспомнил Трубников местное название свирли.

— Да вот дедушка Шурки. Он весь свой век в пастухах ходил. Только стар уж больно, да, поди, и пьюнчик с утра. — Тащи его сюда!

Трубников вспомнил дедушку Шурку: старый пастух учил его играть на навозной дудочке. Ему уже тогда было пятьдесят, и трудно даже поверить, что дедушка Шурки дотрнул до нынешних дней. Мужчины не раскисли, но, услышавший было огонек грешес, астынувший брат зыгнул Петровна, они уже не перебарывались шутками, лица их вновь стали запертыми и отчужденными. Их удивительно сейчас жестокоლობить, астынувший брат зыгнул Петровна, что станет дальше делить незнакомый, пришлый человек, который—они догадывались о том—раскиснувший занять тут какое-то место.

А ведь кого-то из этих теток он, наверное, знал девочками. Скажут им, что он Трубников, местный! А никто князя радости! Ну, Трубников брат зыгнул Петровна, который мучной бедой жмает. Донька, верно, трепнулась, а деревенский телеграф быстро работает...

А вот эти, с румяными скулами знал правде или нет? Трубников поглядывал на женщину и видел, что и она на него смотрит, но по-другому, чем ее товарищи с выжидательным интересом. Стоянувшись с ними глазами, он медленно отвел взгляд, скулы ее взмыли еще выше. Была она

рослая, статная, с высокой грудью, голову наела прямо, гордо. Нет, этой он не знал, такую и девичьей приметной, она, конечно, осталась в памяти. Выходило, ведь за рукава дряхлого старика в равном азимичке, валенках и теплой шапке. Дедушка Шурки, и весте с дудочкой, усюк, умяли в лесного пома, на в белых плазах его теплится хитрца, а его дряхлая топтало источала теплый, густой запах плохо очищенного самары. Старуха сжимала длинную, тонкую, темную от времени дудочку.

— Громче, говорит,—предупреждала Трубникова скотица,—он только про воду корово слышит.

Трубников зонико, общающе щелкнул язык по горлу, и дедушка Шурки в ответ радостно закивал, его белые глаза умялились.

— Тогда играй!—заявил Трубников в болыное, зарюснее серым волосом уже старика.—Ирай, дай, и помалу князя к выводу! Надо эти одров на луг састеши. Понял. А вчером тебе водочка дала.

Дядь без слов отошел от Трубникова и поднес жалую и губам. Тоненько, немно и жалостно заела под пальцами старика нога. Она пела о грустном, одиноком человеческом сердце, но для коровы была песня ростакого луга, песня сочной травы, теплого солнца, прохладной реки. Тоненький, готовый вот-вот оборваться звук будил память о трудолюбивой старике, немно счастливой, блаженной отягощенности чрева, в котором свои трав обращаются в молоко. И сиять эту алькушную мелодию, мелодию весеннего грома прогремел бин.

Робко, неуверенно шагнула вперед одна из коров. Остановилась, повоя шей, будто проса о петири, и вдруг эземелила к старухе, его дудочка. Плясь, дудочка Шурки повела ее за собой. Следом двинулись другие коровы, поднялись даже упавшие и, шатаясь, поехали к выводу. Завывая, звали жалейку, пугал, жмели, гнал вперед кнут. Тоскливо замыкала Ветка и вдруг рывком отняла от земли свое тело. Старуха скотица и женщина в вязаном платке, подирая Белнуку с Бокров, поехали ее к воротам.

Трубникову казалось, что рука, держащая кнут, вот-вот отвалится, с густым шарканьем оборубит, стремился завладеть кнутом. Он прошел мимо расступившихся женщин и на миг опел на пороге окрестного, широкого свата.

По-прежнему плясь и будто пританцовывая—его плохо держали пыные ноги,—вел за собой дедушка Шурки жалые конько-колосье стадо. В ясном свете ур-ур коровы и казалось прикарманно, выходящими из навозных мугел, но они шли и шли, ниоткуда звука не давала им упасть. Превозмогая беду в руке, Трубников, щелкая кнутом, шагнул им в догом.

Кнут с высоты умядел он это шествие: вперед! пынянкий дряхлый гиом, за ним всемо поудорожье, глыб одров, а следом сплотающийся калемка с ног до головы забрызганным навозом. «Смешно, жалко! Может, и смешно»—отвяти он себе,—но не жалко! Погоди, не жалко, что это черт меняло, ас-тами на спутення...»

Владимир СОКОЛ

НА ГРАНИЦЕ

Стою у пограничной поалоси И заблудалю, как сбжева С пригоро, Кошмлет ветер сыпало свеса И попаривает класам гимнастерки.

Линкуот птени, сераде неслава. С той стороны несется несия

Друта. И лишь одна кичебная земля, Тоску, ждет размашистого шута.

Александр МОСИНЧЕВ

РАБОЧИЕ ДОРОГИ

Дороги бывают разные. Среди миллионов многок Есть выжидательные, праданные.

И есть рабские-дороги. Водял них нет садыл саженцы, Водял них толкые камени, да

камени. Да кочки, которые кажутся Не кочками—позынами. Автобусы их не жалуот.

По кучол в лугу калемки. От дальних рейсов устале, Храпят на подьемах «МАЗы». Я знаю дороги лучше, Стремительные, как выстрел, Ильеземские.

Звученные Экскурсиями туристов. Обычной—земель цветущая, И ветер туюл вальсирова... Но мы не по ним в грядущее Идем, расправлял плечи.

Альберт ФЕДУЛОВ

У ДОМЕННОЙ ПЕЧИ

Смотрю я в печь. Плылают зори, Протуберанцы Выход в печь. Металл кинит Опнстас морем И будто плавит Кипричи.

Он, как из клатки, Рвется к свету, Изнемогая От жары. И зыгнул: во Вселенной Где-то Вот так рождается Мира.

КТО СЕЕТ ПРАВДУ

Клод Леконт, член руководящего комитета, рассказывала мне о работе французского комсомола.

— Ты обязательно должен познакомиться с чечейкой Агрии Валентино. Эти ребята — наши ударники.

Свободных стульев в комнате не оказалось, и мы с Клодом усаелись прямо на одном из столов. Разговор происходил в узеньком, слабо освещенном соседним домом здании на улице Юмбо. Здесь в тесноте разместились Союз коммунистической молодежи (объединение молодых рабочих), Союз студентов-коммунистов, Союз сельской молодежи и Союз девушек Франции, да еще из четыре радикации. Все вместе они составляют руководящее ядро коммунистического движения молодежи.

— Единственный день, когда ты сможешь увидеть ребят в деле, — воскресенье, — продолжала Клод, худощавый блондин с чуть воспаленными от постоянного недосыпания глазами. — Приседай к ним попарно и оставайся до вечера. В 8 часов утра на выходе из метро Порт-де-Ляна к тебе подойдет парень в сером пальто и с пачкой виланго «Авангард». Он называется Жаном Кайе. Ты пойдешь с ним.

Все так и произошло. Как толку и выбрался на свежий воздух из подвоямки с ее резновостальным ароматическим букетом, отдающим табаком и сыростью, духами и потом, то сразу увидел рыжеватого парня в сером пальто.

— Здравствуйте! Агрии Валентино просла меня вас встретить. Позднее вы увидите его на митинге. — Жан розовеет от смущения: он впервые встретил живого советского парня. От его смущения как-то неловко стало и мне.

— А сейчас мы будем продавать журнал.

Через минуту около нас оказались еще несколько парнишек с «Авангардом» под мышками.

Мои новые знакомые разбежались по площадям, звонко выкрикивая: «Читайте «Авангард!» — а я разговорился с плохо одетым стариком, который продавал самую реакционную газетенку «Фигаро». Беспокоя ота оборачивался изостданно.

На противоположной стороне мраморной лестницы, ведущей в католический собор, вдруг начали свистать везд и вперед какие-то молодчики.

— Фаншты, — пояснил мне Жан и стал подвывать к себе ребят. — Давайте лучше уйдём. Мы-то их не боимся, но Агрия сказала, чтобы все вовремя были на митинге.

Я смотрел на комсомольцев и удивлялся им. Каждому лет по 15—16. В тивые годы подняться да еще что справедливости — одно удовольствие. И вот простого упоминания имени неведомого Агрии оказалось достаточно, чтобы в мальчишеских глазах возне яростный огонек и разжались стиснутые кулаки. Дисциплина!

Ребята незаметно рассеялись, а мы с Жаном отрывались продавать журнал в его дом — нечто этакое краснокирпичное здание. Жан немногословен:

— Бонжур, мадам, месье. Купите «Авангард» — единственный журнал, который говорит правду о нашей молодежи. А? Этот товарищ! — Распространитель комсомольского журнала говорит подчеркнуто небрежно. — Он совет-

«Понюхайте «Авангард», читайте правду о молодежи Франции» — кричат на парижских улицах добровольные распространители журнала французских комсомольцев.

«ПАТРИС ЛУМУМБА» ИЗ ПАРИЖСКОГО ПРЕДМЕСТЬЯ

ский, да-да, прямо из Москвы. Купите, мадам, «Авангард».

Журнал расклатался хорошо. И мне, казалось, что мой новый спутник вносит в это серьезное поручение что-то от удивительной, мальшинской итты.

Квартира молчала одна за другой. И не было ни одной двери, которая не раскрылась бы на стук. Наконец мы дошли до квартиры, украшенной скромной медной табличкой «Кайа»; там жила семья Жана. Теряла мужская рука, приветственная меня на пороге, решительно повелака внутрь, и я попал: отсюда быстро не уйдешь.

НЕ ЛЬКОМ ШИТЬ

Отец Жана — человек, который вот уже тридцать лет хранит как самую большую драгоценность патристичный биге коммуниста.

Он один из старой гвардии, а это значит очень многое. Железно-порочный, профессиональный активист, Кайа-Шейн в последние годы жила и работала в Сен-Ден, историческом парижском пригороде, который, кроме древней своей истории, славен еще и боевыми рабочими традициями.

Я рассказываю Жану о жизни его сверстников в СССР, а Кайа-отец перебивал меня репликами

не стреляют по-настоящему. Тот совершенно вежливый французскому салюту хозяин дома, куда мы, непрошено, вошли с оружием, — конечно же, враг шлюнцев и готов их убивать весь до одного. Это его право, это его долг. И вот падает рядом с солдатом убитый наповал дружок, какой-нибудь зеленый парижик из Прованса. Потряс друг. И на смену душевной боли в сердце приходит нравоучение на повисшей, послышавшей злоба, та люта, почти животная злоба, что делает человека слепым и готовым на самое страшное. Под маской боевого товарищества в душу проникает шовинистический утар.

Я спросил старшего Кайа, что представляет собой вернувшийся из коммуналки армян молодой француз.

Этот вопрос был, конечно, непонятным для моего хозяина, но он ответил на все вопросы.

— Трудовой всего тем, у кого руки в крови. Многие не смотрят в глаза близким. Молчат, все время молчат. Душевный крик — самый обобщенный результат. Не знаю, и так же, что возвращаются законченными головорезами.

— Неужели ничего нельзя противопоставить этому безжалостному молочу?

Красноглазый Кайа, на минуту помрачневший, снова заулыбался,

бой боды — поначисские даже помогали. Представитель, торжественные прошал через весь Париж и парижане было около трехсот — знай, кричат изнутри: «Мир Алжирю». Так через весь город и прокатывался. Нет, он означал великий парель, этот «Патрис Лумумба».

ЖИВЫЕ КЛЯНУТСЯ МЕРТВЫМ

Над Порт-де-Алаир шла маленькая, какой-то незрелой девочки. И серая, помертвевшая за многие десятилетия стены, и свинцовое небо, прижатое сверху дома, и гаузо бухавший где-то недалеко первичный комолок создавали весьма миморную картину. Покинула семейство Кайа, мы все направлялись на митинг. Его организация в память друга братьев — троцкистская. В время войны их расстреляли фашисты.

У небольшого дома собралась основательная толпа. Рядом с мемориальной доской замер бивший парижанин. Крестик как оружие, скала старик боевое знамя дамаев детей. Может быть, он был другим те, потыжик? Что другим о восточном своей страны посеребренный голым коммунист? И что в голосах у молодых, которые должны жить зная — эстафету?

— Из рук старика? Пусть говорят ваши сыновья. И только одна комсомольская комка Анри Валентино, высокому тепломожему парню.

Скромно, совершенно незаметно вышла она из толпы и встал рядом со знаменосцем.

О чем говорил Анри Валентино? О Франции, о мужестве, о патристиче. Он был подлинным патристом. Француз, из римской колонии парель с острова Мартиника. Когда братья Кадз сражались в рядах маки, Анри Валентино был далеко от Парижа. Но он тоже самшла трохо — слепот — тяжелых слепот французских комозиторов. На его солонном острове стреляли тогда французские ружья, и утраты на тронный двор выколали солдатты на расстрел французские солдатты. Какое дело ему, потому что африканские рабов, до того, что прискоидило во Францию двадцать лет.

И вглядывался в лица тех, кто слушал Анри Валентино, — простых людей парижского предместья. Нет, у них не возникало подобной мысли. Они чувствовали, они знали: их боль, их тревоги, их требования — это боль, тревоги и требования комсомольского вожака Анри Валентино, эти стояли в одном ряду с ними и с братьями Кадз против тех, кто, бучачи французом, предаст и продаст Францию.

Анри промолчал.

— Вы все помните последнее письмо, полученное матерью братьев Кадз. Я хочу еще раз прочитать его:

«Женя, прекрасса, мама. Но прожить еще надо достойно. И сейчас я чувствую себя сильным. Мы умрем, как французы, как дети, достойные тебя, твои любви, твоих слез и волевого предостережения».

Мы умрем во имя жизни нашей страны. Мы умрем, как французские партизаны — Борцы Спротивления. Да здравствует Франция! Да здравствует свобода!»

Жан и Морис Кадз отдали свои жизни не ради того, чтобы все по-

вторилось вновь. Однако сегодня немецкие войска снова во Франции борются с партизанами, ищущими с собой угрозу новой войны, фашизма и ревашта.

Мы не против немецкого народа. Мы знаем, что многие честные немцы борются против милитаризации ФГ. Мы знаем, что существует мирная демократическая Германия.

Наша цель — искренним дружбе, действительным приятием народов. Верные друзья Жана и Морис Кадз — жертвы фашистских веррапов, мы должны бороться за единение наших сил, мы должны противостоять агрессии новой войны, угрожающей миру.

Через несколько дней я встретился с Анри Валентино на собрании комсомольской ячейки.

РОБЕР ПОЛУЧАЕТ ОТВЕТ

Они все очень разные. Добродушный и черноворый толстак Жюль, молодой, пылкий, вострый лейчик, пожалуй, не в меру самоуверенный Жан Кайа, говорливый и деловитый все очень обстоятельно, логически выстроенный Шарль, типичный мальшишка из предместья, и задумчивый, словно прислушавшийся к чему-то Робер — все они открылись мне по-новому в этой задушной комнате в доме, где Анри проводил собрание. Они друг не только действовали, но и спрашивали, не только дрались, но и думать над тем, что составляет смысл жизни, смысл существования каждого, даже самого маленького человека.

Об Анри к этому времени я уже знал многое — не все, разумеется, но, пожалуй, самое главное. Сан владения делами Мартина не разошелся с отцом, зашикнувшим вчерашний день. Не жеват («хотя есть девушка, очень, очень хорошая»). Работают в бухгалтерском саужахине (этобы лучше поинять «Кантала Маркса»). Все время, все силы лишь одному — работе в комсомольской ячейке.

И вот беседа-соборение начинається. В первую очередь — дела организационные: надо собрать деньги, провести баз для молодежи всей округи. Приглашение хорошего адвоката, чтобы рассмотреть уголовное дело. Страх за рогазонан — быстро и так же быстро поинять. Анри перешел ко второй части собрания — к теоретическому соборедованию.

— Почему да? Голье — враг рабочего класса?

«Патрис Лумумба» еще не успевал закончить фразу, как Шарль уже всколыхнул:

«Он буржуй, значит, против рабочих!»

Леон медленно роивнет:

— Генерал никак не делает для нашего брата, потому что он помогает «классу» комозиторов.

Вожак внимательно смотрит на этих двадцать парнишек и девочек. Хотя он, может быть, старше сестероты на них на какой-нибудь год. Анри встает и делает передо мной совсем взрослым человеком. Столько юмора, не унижающего, а присутствующего, доброты, столько же, сколько и мудрости, что немаловажно чувствуюсь: да, это настоящий руководитель. Можно совсем забыть даже на смерть, но труднее убедить, потому что ты, Робер, сам стал сознательными борцами.

— Ну, кто еще?

Люди разных возрастов внимательно слушают, о чем говорит Анри Валентино — «Патрис Лумумба» из парижского предместья

нан просто добродушно и удовлетворенно улыбался, всем видом своим показывая: «Ведь я же говорил, вот видите, это правда».

Эта гордость понятна: каждаядневная борьба, в которой старый коммунист участвовал многие годы, носом с собой сотни маленьких подвигот, которые он совершал, вдовольнась великим подвигот народа, первым пролагающим путь в коммунизм.

Но все же нельзя бесконечно отвечать на вопросы. У меня тоже было о чем порассказать ветерану-коммунисту. Особенно волновала меня один вопрос. Может быть, найдя в мире упрота фашизма, не является столь рожаликой (кроме, конечно, Западной Германии), как во Франции. Крупный, а в особенности колониальный, капитал ищет в фашизме спасения. Но прожить путь фашизму можно, и даже испускает плахуку целого поколения людей. Испытанный способ одурачивания молодежи — шовинистический шовинизм.

Поколение за поколением просты и не испуганными в политике парнишек надевая солдатские шапки, чтобы пойти за войну за «величие родины». Сначала в джунглях Вьетнама, потом в североафриканских песках. Но ведь на вой-

словно иронизация над ниванностью гости.

— Да нет, что ты! Хороши бы мои былы, если б просто так повороты. Вот посмотрь на этих парней. Конечно, почти все вокруг них кричат: «Алжир — французский», «Война до победы!». Но ведь ребята-то понимают, что война — это не прогулка по Енисейским холмам. Повестки об убитых приходят и в наш квартал. И вот сейчас, еще до апреля, важно, чтобы они тогда же алжирская война — это очень грязное и несправедливое дело. И наши ребяташки не только начинают понимать, что мы говорим мы, старые коммунисты, но и показывают тем, например, свои котлеты, а?

И совсем уже развеселившийся Кайа хлопнула сына по плечу здоровой и натужной ладонью.

— А кретины! Анри Валентино, их вожака, ты еще не встречал? Мы тут его все зовем Патрисом Лумумбой: уж только Анри по-настоящему коммунист. Ныстоющий боин! Он недавно чуть не весь молодежь предместья вывел на улицу, на антивоенную демонстрацию. Правда, расклатался жадными. Показали всех наших ребяташек в черных рубашках и повела. Но в этом не было ос-

— Генерал де Голль — ставленник монополий, — ровным, академическим тоном заявляет Жан, — а монополиям чужды интересы Труффийса.

И вдруг совершенно неожиданно высказывается Робер:

— Ребята, вы знаете, что я всегда с вами, но мне одно не понятно. Вот вы тутаете президентом, но ведь он тоже против войны в Алжире. Он сам об этом много раз говорил. А раз де Голль против войны, то, значит, он помогает ребятам. Ведь кто страдает от войны в первую очередь? Работяги.

Видно, немалое было решиться на такой шаг — выступить одному против всех. Робер даже поблагодарил от внутреннего раздражения. Анри спокойно выслушивает Робера. Ничем не показывает своего отношения к его словам.

— Ты хочешь? Хорошо, тебе кажется, что генерал против войны. Допустим, что наш «неизвестный» президент — исключение из генеральной брони. Но Анри даже разберется во всем по порядку. Как де Голль пришел к власти? Военный мятеж в Алжире привел его к власти. «Ультраз» тогда причал на всех порты: так же и де Голль — это война до победного конца!»

Шла война, бежала земля. И что же? Тот самый президент, который еще недавно публично заявлял, что он не допустит отпадения Алжира от Франции, вынужден был признать право алжирцев на самоопределение. Он пошел даже на переговоры с представителями арабского населения. Думаешь, по доброй воле? Вот в том-то и опасность дегмализма, что он маневрирует. Говорит одно, а делает другое: война-то продолжается. Самоопределение, по де Голлю, — это чтобы алжирцы сами, добровольно согласившись на то, что им ДАДУТ возможность с представителями проводить в жизнь приказы Парижа, а монополиям по-прежнему был избран алжирец, как Анрику.

Этот разговор продолжался долго. И совсем естественно и логично он перешел потом на конкретные задачи комсомольцев по сплочению молодежи предместий, чтобы все вместе, еще сильнее, чем сегодня и вчера, выступали за немедленное прекращение кровавой войны за морем, за полную свободу и независимость алжирского народа.

Нет, это была не академическая беседа. Робер понял, что даже маленькая персона, оказывается, имеет влияние на государственную политику. Каждый демонстрация тысячи и сотен тысяч роберов заставляет правителей Франции уступить перед решимой силой, воле которой — народ. За души и умы таких вот ребят, которым принадлежит завтрашний день, день, который должен быть лучше для социализма, борется молодой коммунист Анри Валентино — «Петрис Аумуаб» из парижского предместья Авал.

Уже в Москве я получила весточку от Левина, одного из подопечных Анри. Он пишет, что у них все в порядке. Происходят различные перемены. Валентино перешел на партийную работу, а секретарем стал рыжий Жан Кайс.

А. КРИВОПАЛОВ

Париж — Москва.

1962-И. ФЕСТИВАЛЬ ВАМЫТЫИ

Хельсинки, VIII Всемирный фестиваль молодежи... Сколько событий за этими словами, венчающими трехлетний путь, которым шла юность мира от дружеских встреч в Вене летом 1959-го к своему радужному в столице Финляндии в июле — августе этого года! За время, минувшее после Венского фестиваля, молодое поколение прошло закалилку в огне кубинской революции, в трудностях Одрисастроенских походов в Англии, антифашистских выступлений в Италии, массового движения за мир и демократию в Японии и лучшего слухом Алжира и Франции все передовая молодежь колоний и метрополий сомкнула ряды в борьбе с колониализмом. В громе этих событий потонули голоса клеветников, твердивших о «потерянном поколении», которое не умеет плавать.

Молодые люди в странах социалистического сотрудничества и вместе с ними прогрессивная демократическая молодежь другой части мира как путеводную звезду восприняли новую Программу нашей Коммунистической партии. Ее решения, как знания, освещают советских юности и девушек, героическим трудом строящих коммунизм.

Всемирные фестивали никогда не были просто весельями и красочными праздниками: их всегда пропитывали и согревали большие идеи мира, дружбы народов, дружбы молодежи разных стран. VIII фестиваль отражает крепнущее единство молодежи, растущее взаимопонимание юношей и девушек самых различных взглядов. Новой вехой на пути к этому взаимопониманию является плодородный Всемирный форум молодежи, который сумел объединить представителей самых разнообразных молодежных организаций по главным проблемам современности — борьбе за мир, вооружению, национальной независимости, прогрессу.

Московский форум расчистил дорогу на фести-

вал новым силам в международном молодежном движении. После него многие социалистические организации стран Европы и Латинской Америки заявили о своем решении участвовать в фестивале. Они предложили уделить больше внимания в фестивальной программе различным встречам и дискуссиям. Ну что ж! Форум доказал плодотворность дискуссий и встреч людей с разными взглядами — на фестивале их будет еще больше!

А разве не отразился на фестивале бурный подъем и успехи национально-освободительного движения во всем мире? Если на прошлых фестивалях конгрессы африканских, азиатских и латиноамериканских делегаций, вечера солидарности с молодежью, борющейся за освобождение своих стран, были сравнительно

небольшими островками в море фестивальных торжеств, то теперь юности и девушки освободившихся стран смогут достойно представить свою национальную культуру.

Фестиваль в Хельсинки отразит дух своего времени — времени бурного технического прогресса и искоренения космоса. Но вместе с тем он сохранит славы традиции предыдущих фестивалей, которые памятны своей неповторимой атмосферой теплоты, дружбы и единства. Именно поэтому Международный подгрупповой комитет VIII Всемирного фестиваля молодежи и студентов принял решение сохранить знакомую всем фестивальной обшлему — пять листовок с цветными фото континентов и девизом «8а мир и дружба!».

Евгений СЛИНН

ЗАГАДКА «КО

Одним ли мы во вселенной? А если нет, то может быть, наша Земля когда-нибудь познакомится космическими пришельцами? Может быть, на Земле остались где-то следы и потому давно превращенного пребывания? И, наконец, что произошло в тунгусской тайге полвека назад? Не была ли это неудачная попытка установить представлениям неведомой планеты с нами связь?

Эта проблема была поставлена редактором Александром Казинцем. «Пришельцы из космоса?» — так был опубликован в «Смене» №№ 8, 9 и 10 в прошлом году. Рассказ был с интересом встречен читателями. В редакцию пришло много писем, в которых их авторы высказывают свое отношение к вопросам, затронутым писателем, приводят свои догадки и предположения.

Мы передали письма читателей А. П. Казинцеву и попросили его ответить на некоторые из них через журнал. Немея публикуем этот обзор.

ВЗДУМЬЯ НАД ПИСЬМАМИ ЧИТАТЕЛЕЙ

В поэтическом образе Прометей с поразительной правдивостью отражена великая солидарность, протестующая богами наука, которая начала свое существование с первого размышления о жизни человека и потому упорно и неустойчиво расширяла знания людей о природе и покровении ее сил.

Однако на протяжении всей истории человечества косность и невежество, опираясь на покровительство тайги и потусторонней магии, А кроважный оред наузерства всегда готов был терзать грудь науки, срывать каторж инквизиции ее лучших представителей.

В наше время наука стала не только освобожденным Прометеем, но только достоянием избранных, а наукой всего народа.

И когда итальянскому ученому, профессору Петруччи пала римская гробница современникам «каторж инквизиции» — отлученной от церкви за то, что ученый осмелился приносить богам и выращивать человеческий зародок в колбе, в это самое время в нашей стране бесстрашней расцвет науки характерен и поддерживаем партией и государством, обеспечивших ее безпримерные достижения, и возноразный интерес к ее проблемам, знаниям, результатам. У нас в космосе — предмете, себе не только анафему лобного рода, но и вообще каку-нибудь «нару» за собственную точку зрения в науке. Мы не можем представить себе аналитическую науку без «сауна», пренебрежительное отношение к народу.

Достаточно вспомнить, что глубочайшие по своему значению, точности и широте охвата научные сообщения о завоевании космоса делаются у нас не только через научные журналы, но и прежде всего через самую распространенную газету «Правда».

В грядущем коммунистическом обществе народ будет принимать непосредственное участие в решении важнейших научных проблем. Уже в наше время люди интересуются не только разрешенными проблемами и утвердившимися взглядами, но и близко к сердцу принимают вопросы путей и направлений развития природы, хотят знать сущность научных дебатов.

Теперь уже нельзя считать, что научные споры могут решаться кой-то, так сказать «на тунгусском счету», когда на «ковре науки» скатки происходят при закрытых дверях, а потом для «почтенной публики» будут преподноситься окончательные результаты. И потому полнотой интереса, которой обладают у читателей «Смены» проблемы, затронутые в рассказе «Пришельцы из космоса?», и дискуссия ученых, которую редакция журнала «Смена» организовала с помощью Московского телевидения. Свидетельство этому — масса писем, полученных редакцией.

Читатели «Смены» живо интересуются тем вопросом, что внесено сейчас в проблему тунгусской катастрофы.

Как известно, специалисты по метеоритам отклоняли от бывшего утверждения, будто бы метеорит упал в тунгусскую тайгу и упал в болоте. Они считают, что гипотезой о столкновении Земли в 1908 году с кометой.

В 1961 году в тунгусскую тайгу Комитетом по метеоритам была направлена ком-

плексная экспедиция под руководством кандидата геолого-минералогических наук К. П. Флоренского, и, кроме того, по инициативе Академии наук СССР туда же отправилась специальная экспедиция Волго-Уральского филиала ВНИИ геофизики под руководством А. В. Солотвина. Первая работала по кометной гипотезе. Вторая должна была выяснить другую точку зрения: возможность ядерного взрыва в месте тунгусской катастрофы. Одновременно продолжала свою работу весьма многочисленная самостоятельная экспедиция, объединяющая молодых ученых разных городов под руководством Г. Ф. Пискалова. По возвращении из экспедиции К. П. Флоренский сразу же дал интервью журналистам различных изданий, в которых сообщил, что предположение о взрыве в воздухе кометы подтверждено, поскольку экспедиция вышла на значительном расстоянии от эпицентра взрыва железо-никелевые включения в почве.

Я не стану вступать сейчас в спор с К. П. Флоренским относительно его президентского высказывания о стольном читателе и письму, полученному редакцией «Смены» от участников экспедиции, которые работали вместе с К. П. Флоренским. Моя же точка зрения — ядерный взрыв — пока никак не опровергнута.

Конечно, для полного его подтверждения, для установления факта ядерного взрыва в тунгусской тайге еще требуется немалый труд ученых, которым фактический результат явил объективно помогают и ученые — противники этой гипотезы. Пока аргументов в пользу ядерного взрыва больше, чем в пользу метеорита или кометы. В последние время получены новые доказательства справедливости гипотезы ядерного взрыва, о которых, я надеюсь, читатели «Смены» узнают в ближайшие время.

Если ядерный взрыв будет окончательно доказан, то... любителям фантастики может вспомнить, что природа не знает самопроизвольных ядерных взрывов. В ядерном взрыве могло участвовать лишь вещество, полученное искусственным путем, а это могли получить в 1908 году, возможно, его получили на другой планете.

Тунгусская катастрофа служит важнейшим звеном в цепочке фактов, устанавливающих взаимосвязь с возможными контактами нашей земной цивилизации с инопланетной.

Предельно мной грядущим, читаю отдельные видения, как дороги проблемы науки советским людям — адекватно с возможными контактами нашей земной цивилизации с инопланетной. «Пришельцы из космоса?» загадки заставляют их творчески мыслить. Авторы этих писем — рабочие, солдаты, студенты, женщины, пошедшие работать в дом, нижегородские пенсионеры, школьники, учителя, молодые и пожилые — восторженно и трезво или, наоборот, скептически анализируют выдвинутую гипотезу, требуют от автора точных научных фактов. Все они хотят знать, можно ли было, чтобы самки выбрать полезное, рациональное, отбросив ненужное, ложное, самим осмыслить то, что их заинтересовало. Это объясняет, что почти во всех письмах о «пришельцах» логически возникает мысль о религиозных легендах. «...Возможно ли, что боги есть не что иное, как пришельцы из космоса?» — спрашивают десятиклассники

огрской школы из Латвии. «Не связано ли возникновение религии на Земле с появлением ее высокоарантными существами из других миров?» — спрашивают Роза Ключничкова из города Орлеана, Анатолий Боточенский, школьник из Донбасса, и многие другие читатели. Статью о возникновении религии на Земле привел Борис Антонович Никитинский из Углича. «Не есть ли «сыны неба», планеты о которых сохранялись у инков и других народов, пришельцы из космоса?» Такие вопросы поставлены многими.

А вот что пишет старший методист Сузского областного дома народного творчества тов. Подгорный по поводу существ в скафандрах на фресках Таселия в Сахаре: «Совершенно ясно, что каким бы квалифицированным, мудрым художником, предельно ясным в будущем человечества на тысяч лет, ни был автор этих рисунков, он не мог выдумать то, чего не видел никогда в жизни. Каков же отсюда вывод? А вывод один: утверждение марксистско-ленинской диалектики о том, что всякая фантазия базируется на основе жизненного опыта. Совсем недавно и прочитал книгу французского публициста Лео Таселия «Забавная библия». Саркастически комментируя выдержки из библии, автор несколько разбит все суждения первоначальных о возникновении жизни и человека на Земле. Внимательно читая «Пришельцы из космоса?» и «Забавную библию», невольно начинаешь думать: а может быть, и возникновение религии повлияли и другие факторы, и нельзя все объяснить страхом и возмущением стихий?»

Прав товарищ Подгорный: всякая фантазия имеет под собой реальную основу, и именно это позволяет думать, что призраком существ в скафандрах были реальные фигуры тех, кого мог видеть сам художник или восстанвить их облик по рассказам, по воспоминаниям очевидцев.

Закономерно, что материалистическое в своей основе предположение о разумных существах иных планет, побывавших на Земле, приводит к мысли, неопровержимому результату. Естественно, что также мысли проявляются и за рубежом. Американский писатель Крамер еще в 1941 году написал рассказ, в котором объяснил легенду об Илье Пророке тем, что Илья был космонавтом, вышедшим в некоторые время прожить среди варваров-людей, учить их, слыша пророком, называли им достижения своей техники, которые воспринимались как чудеса. Потом

СМИЧЕСКИХ ПРИДЕЛЬЕВ"

ЖДЕТ СВОЕГО РАЗРЕШЕНИЯ

Александр КАЗАНЦЕВ

за ним прилетела ракета, и он «вознесся на небо на огненной колеснице в огне и громе»...

Библиейские тексты приваляли с этой стороны внимания светского ученого М. М. Агреста (см. его статью в сборнике «На суше и на море» № 2, Географизм, 1961 г.). Некоторые библиейские тексты прочитав Агрестом так подтвержденные мысли о возможном посещении Земли инопланетными жителями.

И, конечно, если такое посещение было — а в этом нет ничего невероятного, — оно не могло не повлиять на те или иные религиозные мифы. Однако неправильно было бы подменять предположение космического посещения Земли многие факторы развития общества, которые обусловили появление легенд.

Многих корреспондентов интересует происхождение легенд и сказок в свете влияния на них «космического пришельца». Интерес этот оправдан.

В народных сказках и преданиях как в зеркале отражалась жизнь народа. Отдавались от этого положения, Михаил Сергеевич Кардашов пишет в присланной по этому поводу статье: «Историки подтверждают, что на былинном Алеше Поповиче скрывается отмеченный в летописи дружинник Алексея... В саге об Ориге Рыжеке сохранились воспоминания об открытии Америки норманскими садлодо до Колумба... Ученые многих стран провели параллель между преданием Саремааского метеорита и древнегерманским мифом о Флатоне, пытавшемся прокатиться на огненных колесах Гельмова-Солнца... Разумеется, легенды, былинки, саги на протяжении веков и тысячелетий неузнаваемо трансформируют лезвие в их основе историческое зерно».

Интересно тоже Кардашов в своей статье апеллирует к сказку о летающем Огненном Змее в свете некоторых древних обмывах. Змеей этот был «добрым», он «проглатывал» людей, в котом возвращал их умудренными. Находясь на Земле, они не должны были заглядывать в «заветный чулан». Те из них, кто нарушил запрет, оказывались, потеряли все волосы (как от лучевой болезни). Побывавший в Змее обмывался с «Громовицком» (исстат), и Илья-Пророка кое-где называют Громовицком, который научил его добывать огонь, делать гончарную посуду и многому другому, а также рассказав историю вселенной.

Посещение людьми Огненного Змея и обмывание с Громовицком оставляю, по мнению тов. Кардашова, след в развитии древней планеты; у тех позиций также ритуал передачи знаний, который совершался в своеобразной модели летающего Змея, специальной лижине на столбах.

Как видите, сказку можно проследить в новом свете.

Но особенно интересуют нас факты.

Профессор П. Ф. Жиров, знаток древних культур, прислал мне письмо, где обращает внимание на фотографии, опубликованную в работе крупного французского ученого А. Алгима «Доисторическая Африка». На фотографии запечатлен череп, найденный в свинцовом урликке Брюкен-Халла в Африке, на глубине 50 метров. (Фото № 1). Это череп неандертальца — полуобезьяны, существовавшей на Земле, по-видимому, тысяч лет назад. На фотографии отчетливо видно круглое отверстие у виска, обнаруженное в момент находки. Оно лишено

внешних лучевых трещин, которые появились бы, если бы рана была нанесена каким-либо холодным оружием. Только при прохождении кости пулей бывают такие отверстия... Соответственно пулевым ранениям противоположная часть височной доли черепа отсутствует, она должна быть рваной при выстреле пули из черепа. Кто же мог стрелять в этого дикого, своего обитателя Земли 50 тысяч лет назад?

Директор Палеонтологического музея Академии наук СССР профессор К. К. Флоров привлечел меня в музей и показывал череп древнего бисона, возраст которого определяется не только десятками, но даже сотнями тысячелетий. На любовной лоси черепна видно характерное пулевое отверстие. (Фото № 2.) Судя по его конфигурации, можно предположить, что пуля расплюскалась о кость и пробила ее. Лучевых трещин нет. Любопытно, что аверс все же выжили. Рана зияла при жизни животного. Это свидетельствует, что кость была повреждена не в навуе, что кость была повреждена не в навуе,

В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «СМЕНА»

БЫЛО ЛИ ЭТО КОМЕТОЙ?

Мы, участники Тунесской комплексной метеоритной экспедиции 1961 года Комитета по метеоритам АН СССР, с удивлением недавно узнали из газет, что экспедиция Тунесской катастрофы разрешена и возобновлена учеными касаются только «деталей явления». Начальник экспедиции К. П. Флоренский в выступлениях в печати и по радио заявил, что в этом году удалось найти остатки тела, взорвавшегося над тайгой в 1908 году, в виде шариков, и эти шарики говорят как будто о кометной природе тела.

В работах Тунесской экспедиции 1961 года принимала участие КомPLEXная метеоритная экспедиция (КСЭ), организованная на объективных началах и систематически занимающаяся тунесской проблемой в течение трех лет. В состав КСЭ в настоящее время входят около сорока научных работников и более двадцати студентов старших курсов институтов Томска, Москвы, Новосибирска и других городов. КСЭ организовала летом 1959 и 1960 годов экспедиции в район катастрофы, где был собран большой фотический материал. В этом году также было получено много интересных дополнительных данных о характере взрыва дерева, об усилении их присто, о лучевом ожоге и о магнетитовых шариках. Этот материал нуждается в тщательной лабораторной обработке, которая еще только начнется.

Какая же необходимость заставляет выступать с решительным заявлением, что проблема решена и найденные магнетитовые шарики являются веществом кометы? Вспомним, что Тунесский метеорит уже открылся в 1957 году и тоже с помощью шариков. Зачем же повторять ошибки и делать выводы из фактов, которые требуют проверки?

Пока что возраст найденных шариков не определен. А возраст шариков — их положение на Земле именно в 1908 году, — был бы прямым доказательством их связи с Тунесской катастрофой. Кроме того, чтобы связать эти шарики с Тунесским телом, не зная их возраста, следует метко выбрать «ясные рассейния» на общем фоне космической пыли. Число проб, взятых в районе катастрофы этим путем, несомненно было таково, чтобы установить предполагаемый район выпадения вещества взорвавшегося тела, если такое вещество вообще сохранилось. Фон же космической пыли, ее рассейние по территории СССР неизвестны, так как систематических исследований не проводилось. А ведь этот фон, может быть, сильно колеблется от места к месту.

Из работ опубликованных за рубежом, следует, что подобные магнетитовые шарики, представляющие собой слезы космической пыли, найдены во многих местах как на суше, так и на дне океана, причем содержание шариков в пробах, взятых в разных местах, изменяется в десятки раз. Ясно, что такие сильные колебания фона в значительной мере «затривают» выявление «ясных рассейний».

Поэтому мы считаем, что именно К. П. Флоренского преждевременности, и предостерегает еще много сделать и показать, прежде чем можно будет заявить, что проблема «принципиально» разрешена.

Члены Комплексной самостоятельной экспедиции, участницы экспедиции 1960 и 1961 годов Г. ИВАНОВА, Ю. КАНДЫБА, геолог А. ЕГОРЩИН, С. ВЕНЬЯМИНОВ, Ю. АНДРЕЕВ, студенты.

шо время, а тогда, когда существовало это древне животное. Кто мог это сделать?

В ряде писем читателей поднимается вопрос о том, не было ли уже на Земле в доисторическое времена ископаемых потомков высших культур? Такое предположение пока не подтверждается находками. Ведь достаточно вспомнить о грандиозном преобразующем мире влияния современной цивилизации, чтобы понять, что следы ее неизбежно будут встречаться повсюду и не только археологам. Нам же приходится искать единичные факты, свидетельствующие о, по-видимому, критикованном пребывании на Земле представителей высшей культуры. Это можно объяснить контактом с ископаемой цивилизацией, чем предположением о потопных высочайших цивилизациях Земли. Подобные цивилизации были — мы встречаем их в руинах цивилизаций ооортрансильванских уровней, конечно, не идет в сравнение с современностью.

Некоторые читатели считают, что расцвет древней культуры Греции, Египта, Шумера, существование недавно изобретенной электрической машины, древние представления об атомах, из которых состоит вселенная, все это следует отнести за счет мистических чудес, чудесствам арийцев из космоса.

Хочется предостеречь читателей от неадекватных гипотез о звездных пришельцах. Вспомните, как трудно усваиваются слабо развитым народам достижения цивилизации. Нужны поколения, соответствующие социальные условия, чтобы культура и знания нашли почву среди диких племен. Пришельцы могли оказать лишь частичное влияние на развитие тех или иных племен, но ошибочно было бы приписывать им все достижения древней цивилизации. Конечно, цивилизация на Земле развивалась сложным историческим путем и реально можно было бы фантазировать об отдельных великих знаниях, которые могли появиться у слабо развитых народов от контакта с высшими разумными существами.

Другое дело, если бы такой контакт произошел в наши дни... Превращение А. Метельца на минуту, что в тунгусской тайге на произошла бы трагедия 1908 года!.. Что, если бы существовала иная, высшей цивилизации пришельцы к нам, чтобы поделиться своими первоначальными знаниями?

Неизвестно, может ли повториться в наши дни попытка прилететь к нам с иной планеты.

Но мы... мы летим там. И когда мы прилетим на иные планеты, когда встретим там разумные существа, мы принесем с собой ту же Миссию Разума, которую подоспели у тех, кто, возможно, побывал когда-то на нашей Земле.

Вот в это твердо верят советские люди, современники вторжения в космос.

Мне хочется процитировать часть письма Евгения Топкина, в котором он рассказывает о тяжелой болезни, но это не мешает ему жить полноценно, творческой жизнью, стремиться к анализу. Он любит мечтать о прекрасной жизни на всей нашей планете, о том времени, когда ничто не будет разделять людей, когда перед ними открытся все тайны, об осуществлении визитов Миссии Разума на Земле, исключающей войны и несправедливость на вечные времена. «Я мечтаю о будущем, — пишет он. — Очень жаль, что нам дана сравнительно малая жизнь... Хочется узнать о вселенной. Мы дожили до времени, когда человек вступил на путь космоса. Он издалеку своему поколению — оно не будет знать препятствий в овладении тайнами вселенной... Наука и техника продлят нам жизнь, откроют дорогу в космос, мы сможем узнать обязательные другие миры». Михаила Кузнецов из Чистополя говорит: «...Сам я готов лететь в космос в любой момент, но меня, может быть, и не возьмут. Однако всем известно, что и в аэрокосмосе летит советский человек, так что грустно, что не нам... Да, к звездам летят советский человек, и первым же часом, проведенным в космосе нашими героями Юрием Гагариным и Германом Титовым, были первыми шагами нашей МИССИИ РАЗУМА».

Ни evening вид, ни запах, ни вкус этой светлой, прозрачной жидкости ничего не говорит о ее происхождении. А одно из ее свойств — стерильность, то есть полное отсутствие каких бы то ни было микробов, — даже позволяет начинать сомневаться в том, что приготовлена она из... грязи.

Речь идет, о новом мощном лекарстве, о новом методе лечения. В начале разработки было довольно сложно, отнимало много времени и средств. Советские ученые упростили технологию получения его из шип, леонидий стал значительно дешевле.

Использование лечебных грязей при заболеваниях костей, мышц, суставов, нервов было известно давно. При этом грязь применялась как «смазка» суставов. Что касается леонидий, то его часто приносят внутрь. Этот метод лечения уже помог многим

больным, страдающим из-за жесткости и двенадцатиперстной кишки, хронического гастрита и т. п. Препарат оказывается полезным и при самых различных заболеваниях. Ученые объясняют это удачным сочетанием в составе леонидия солей натрия и калия, кальция и магния, ледяной и сульфидной, бромидов и йодидов.

«ЧУДО ИЗ РАЗ»

В небольшом опытно-саду агронома-плодовода Леонида Магери, расположенного в колхозе «Красный Восток», Панфиловского района, Алма-Атинской области, повисла дача неизвестного сорта яблоки. Это — «чудо из Раз», сорт, введенный Яном Рада, садоводом колхоза имени Мичуринца, Эстонской ССР. Плоды на такой яблоньке образуются без цветения, непосредственно из почек. В яблонях совершенно нет семян. Очень вкусные, ароматные плоды хорошо сохраняются и транспортируются.

«Чудо из Раз» отлично размножается вегетативным путем и ежегодно обильно плодоносит.

Кавказецкий мичуринец получил из Эстонии пять черенков «чуда из Раз» и привил их грядки в яблони двукратных яблоки: Антоновки обыкновенной, Мельбы и Симы, чтобы сравнить.

Сейчас в саду Л. Магери собрано тридцать семь различных пород плодово-ягодных культур.

УКРОШЕННАЯ ПЛАЗМА

Оговоримся сразу: речь идет не о термоядерных реакциях, хотя слово «плазма» чаще всего употребляют в применении именно к этим реакциям. Нет, мы хотим рассказать о том, как в одной из лабораторий Института электросварки имени Е. О. Патона, возглавляемой Д. А. Лудко, заставили плазму сваривать металл.

Немало новых способов прочного и надежного соединения металла разработали сотрудники института. Но ученых не удовлетворяли сравнительно небольшие скорости сварки обыкновенных металлов, ограниченные возможности соединения жаропрочных сплавов. Одной из причин низких скоростей сварки являлась относительно низкая температура плазмы, которое дает кислородно-ацетиленовая горелка и электрическая дуга (от трех до шести тысяч градусов).

снимается. Температура пламени, вырывающегося из горелки, достигает 30 тысяч градусов! Перед таким пламенем не может устоять ни один из известных нам жаропрочных сплавов. Плазменной горелкой можно резать даже алюминий и медь, которые не разрешит никаким другим способом, кроме механического.

Надо было значительно повысить температуру сварочной дуги. Но как? И вот на помощь пришла плазма, или, иначе говоря, ионизированный газ. С помощью специально сконструированной приспосабливаемой арки или гелий ионизируется током электрической дуги, а затем пролетает через узкое сопло, в котором

в лаборатории разработана и построена опытно-производственная модель аппаратуры для резания и сварки металлов и сплавов высокотемпературной сваркой дугой. Аппаратура компактна, проста и удобна в эксплуатации. Качество соединений свариваемых частей отличное; не уступает по прочности сплюсному металлу.

А. ХИМЕНДИН

**СЧАСТЛИВОГО
ПУТИ,
«ЮНОСТЬ»!**

Что шоссе мчится машина. Если заглянуть в кабину водителя и посмотреть на спидометр, невольно поразитесь: стрелка прибора перевалила за 150. Это новый легковой автомобиль создан на Московском автозаводе имени Лихачева. Имя ему — «Юность».

С первого взгляда машина кажется небольшим автобусом. Но это только с первого взгляда. Да и сходство здесь чисто внешнее. Машину роднит с автобусом лишь кузов вагонного типа. Зато по скорости и комфорту с «Юности» могут равняться лишь легкие автомобили самого высшего класса.

Семнадцать мягких кресел. Искусственный климат. На передней стенке — пассажирского салона огромный телевизионный экран. Открывающаяся крыша. Это лишь некоторые из удобств, которые созданы здесь для пассажиров.

Подобной легкой автомашины еще не знала мировая практика автомобилестроения. То, что было не под силу сделать прославленным зарубежным фирмам «Крайслер», «Даймлер», «Форд», «Ситроен», создано в нашей стране юными талантами энтузиастов-инженеров: рабочих, инженеров, художников.

«Юность» они конструировали и строили по собственной инициативе и свободное от основной работы время. В ее конструкции нашли применение и новейшие принципы создания «носских экипажей» и новые синтетические материалы. Благодаря этим материалам,

заменившим металл, весит новая машина лишь девять тонн. Это всего на одну тонну больше веса десятилетнего «ЗИЛ-111».

Молодые энтузиасты-автомобилисты сделали для «Юности» сверхпрочный кузов, конструкции

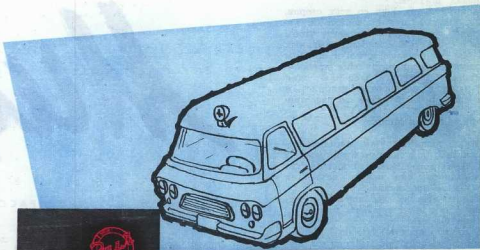
которого позволяет «научить» автомобиль с равным успехом двигаться и по суше и по... воде.

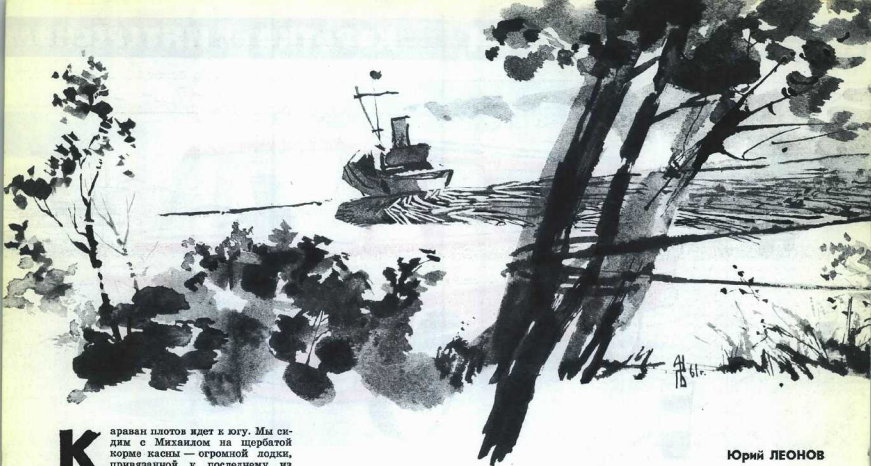
«Юность» будет незаменима для автомобильного туризма. Она найдет широкое применение как маршрутные такси. Ее можно использо-

зовать как машину «Скорой помощи» и даже как быстросходный полугрузовичок-пинип.

Сейчас «Юность» вышла на свою первую трассу — трассу испытательного пробега.

Счастливого пути!

Юрий ЛЕОНОВ

Мишка

РАССКАЗ

Караван плотов идет к югу. Мы сидим с Михаилом на шерболатой корме каски — огромной лодки, приваженной к последнему из бревен — и молча смотрим, как плывут назад шханы.

Они надвинулись на Уфу со всех сторон, круглоблые, хмурые, настоженные и, кажется, только подстергают момент, чтобы omsknуться и стиснуть нас в своих каменных объятиях. Мы проплываем мимо, и шханы нехотя отступают, становятся еще прозрачнее, сумрачнее, недоступнее, заслоняют один другого и, наконец, исчезают за завидным поворотом реки. Вечный кинематограф природы.

— Смотри, — сказал Мишка.

И поднял голову. На берегу, в лощинах, уже ложатся густые тени, а там, над сизыми вершинами, в последних лучах догорающего солнца парила птица. Счастливая, она первая встречала день и последние прощала его.

В Мишкиных глазах восхитение и зависть. А он и не думает скрывать этого.

— Эх, мне бы так!

И очень хорошо представляю себе Мишку с крыльями. У него бугристые плечики, мускулистая шея, рыжеватый вихор, пологий на птичий хохолок, и синие глаза в причуром, которые смотрят на белый свет всего лишь семидесяти лет. И казалось, стоит только Мишке расправить руки да оттолкнуться посланцею от края каски, как взорвется он, словно легендарный Икар, и солнцу, отщипавшему кожу парничку до бровового боска.

— Ты читал книжку про Покрмышника? — неожиданно спрашивает меня Мишка.

Да, я читал ее, правда, давно.

О-о-о! — Мишка восторженно прискакивает вышком и смотрит так, будто внезапно открыл во мне какое-то очень важное дознание.

Он приближается ко мне поближе и, словно боясь испугнуть громким словом свою метку, повергает мне ее шепотом.

— Только ты никому. — Мишка прикладывает палец к губам. — Я ведь бешать отсюда думаю.

— Ну не бежать, ходить, что ли. А меня отговаривают. Я дяде Ване, капитану нашему, по секрету об этом. А он: дурак, мол. Заработок хороший, работа не трудная. А так кто знает? Вуш на веревке баки горючки заливать да другим закидывать. И вся любовь.

— А мне плавать! — громко выпаливает Мишка и тут же спохватывается: — Понимаешь, люблю я реку, а ее слушать по берегам,

ветер бороть за запахах. А только тесно здесь. С детства да от первых снегов все одну Уфу знаешь. А там простор, скорость, стратосфера...

Мишка запрокидывает голову и глядит в небо. Оно лазурное, прозрачное, бесконечное.

— Там, поди, что ни человек, то герой. А здесь хоть век живи, ни одного и в глаза не увидишь.

И не стал развешивать это наивное представление о героях.

— Что ж, Мишка, — говорю, — раз зовет тебя небо, значит, нигуда от того не деться. Работашь на реке, а душа в авиации. Это вроде как на два дома живешь.

— Вот так оно и есть, — подхватывает Мишка. — Головой в небо, а сам на земле. Да разве это жизнь?

Иван доплатил стеники будки, что у нас за спиной, доносится приглушенный смех. Лицо Мишки разом меняется.

— Эй там, в курятнике! Зевота вас забери! — кричит он ломким баском.

В будке смолкает.

— Марш к вороту! Подготовить трое. Да поживей!

На дerrickи одна за другой высовываются две разломочные головки и дружно покачиваются в улыбки ровный частотой зубов. Нет, они отнюдь не горятся выполнять указания сванье.

На кисеи Мишка за старшего, Дуна и Полина придают ему в помощь. Обем им лет

по двадцати, и все распоряжения «наиглавнейшего» они выполняют со снисходительностью старших. Мишка старается не замечать этого. Как-никак, он мужчина, и этим все сказано.

Мне больше нравится Полина. В каждом неторопливом движении ее угадывается то внутреннее спокойствие и душевная простота, которые свойственны натурам неприхотливым и чельным. Ростом она немного пониже Дуни, пометей ее волосами.

В кариш глазах Дуни под изломами бровей запрятано по хитринке. Они особенно заметны при свете костра, когда на треск его сходится парик с катера. Загрямяют они больше с Дуней, а та поводит круглыми плечами, смеется и серьезнеет адрут:

— Ну, ну! Держи вправо!

И парик «держит вправо», то есть убирают руки и снова вертятся в догадках: «Кого же подзадоривают хитринки?»

Пока девчата не спеша поворачивают Мишкиному приваваю, с ведущего катера доносятся оклики:

— Ишк... табан... а!

— Девки, табан! — обрадованно гаркает Мишка.

— Чать не глухую, — отшывается Дуна.

И обе, как козы, прыгают по бревнам.

На Мишке лежит самая ответственная операция — зачалка. Захлестнуть конец троса за неподвижный предмет на берегу — задача не из простых. Берег в этом месте крут, а трос тяжел. Ниже один за другим идут пе-

Рисунки Г. НОВОНИЛОВА.

река. Чуть замешкался — затянул караван на мезковиде, и тогда ловил бревна, глыбчи бревен.

Мишка сплюнул. Ему эта работа не впервой. Он стоит на краю плота и пристально всматривается в глубину, откуда все автентичней проступают очертания дна.

— Эка! — кричит Мишка и ловко спрыгивает в воду, зажав в руке конец троса.

В этом месте склон берега полог. Молодые деревца подступили к краю его, и над всеми ими гордо вознеслась корона-великана. Он был из тех красавцев деревьев, которые долгие годы служат верной приметой путникам. Место вокруг тополя было жарко и припечено, а бурый кора самсала лохмотьями, обнявша немолодые, темное тело дерева.

Вообразившись на склон, Мишка привычным движением закинул трос на эти лохмотья, обернул его вокруг и, откинув ушки, стал дожидаться, когда караван натянется трос. Ждать пришлось недолго. Чуть заметная дрожь прошла по плоту, и в ту же секунду пригнувшийся кутерьма треск раздался на берегу. Верхняя тополя стала медленно клониться к реке.

Девчата вскрикнули, но их голоса тотчас потонули в могучем зарастающем гуде.

— Х-э-и! — повозилось по бревнам.

— Х-э-и! — оговались пшхань.

И все увидели, что стоял изнутри уже давным было подточен гнилью. Очевидно, она началась от небольшого дупла, где и произошел разлом. То ли слишком поздно стали тормозить в этот раз караван, то ли просто время сделало свое дело, только лопнула старая жила у красавца тополя.

Все это мы заметили позже, когда убедились, что Мишка жил. Он ушел отпирать наад в какое-то мгновение и стоял с победившим лицом. Потом спрыгнул пониже и растерянно огляделся вокруг.

Кудрявые березки, стройная тополя столпились на склоне. Но разве есть в них та сила, что способна остановить огромный караван, сотни кубометров леса?

Ой, трави! — крикнул Мишка вняз Мишка и поволок трос, быстро перебирая ногами.

Следующая петля обвилась вокруг двух берега, тесно, словно в объятии, прижавшихся друг к другу. Канат еще туше сваял их, потом никак не прическа к земле и приседанно поклонно и выдернул с корнем обе. Мишку осыпало землей.

От матеря по скользящим бревнам, чертыхаясь, бежал капитан — рыжеусый, седоголовые дядя Ваня.

— За тройку, за тройку цидлай! — кричал он на ходу, хотя это было очевидно и без его совета.

Караван плыл совсем медленно. Но деревца на берегу кончались. Дальше тянулись низкий кустарник. Дальше белыми гребешками всплесков виднелись пороги. Дальше была беда. И отвести ее мог только один человек — Мишка.

На краю оврага сомкнули свои корны три молодых дубка. На них с последней надеждой смотрели люди.

Мишка усел два раза обжать дубки и закинул один ушек, когда трос створался от воды и быстро пошел вверх. Конец его у Мишки в руках. Ноги уперлись в основание ствола, а сам он откинулся назад, провис над землей.

Это походило на странное единобразие. На одной стороне троса громада плотов, влекомая рекой, на другой — маленький ступот воды и тутик мускулов.

Стояла такая тишина, что, казалось, слышно, как звенит натанутый трос. Нет, то не трос, то звенит вытанушее в струну тело Мишки. Кто-то не выдержит. Кто-то слает.

Я мельком глянул на девчат. Они стояли, крепко вцепившись в рукоятку ворота. Полина, точно оценен, с лицом, искаженным отчаянием и состраданьем. Дуня — сама раздражение. Почему бросился, а глаза надрезанные, как перед стартом, икры ног. Ещо секунда — и кинется в воду. Мне показало даже, что в эти мгновения они очень походили друг на друга — Мишка и Дуняша. Видно, потому, что здесь, на плотах, где взгляд с большим ощущением свою беспомощность, она одна не только мыслями, но и взглядом мускулов была там, рядом с Мишкой, на берегу.

С каской отчетливо было видно, как на фоне залата нервно трепетали ветки деревьев, как медленно скользя на рух трос. Все ниже, ниже согнутые спины дубков и вдруг замерли, чуть поднависнув извек. Последний раз прощуривала под днищем галына. Стой!

— Ах, сукин ты сын! — только и смог вымолвить дядя Ваня. И уже другим голосом спомандовал: — Глуши мотор!

— В этот вечер почти всплыну, не у самого берега, а посреда, над склоном, где ледяной стругой был родник.

Уже вовсю стреляли сухие смолитые ветки, уже забубукала в воде вода, дождавшаяся пордик гречих, уже сошлись на оточек все члены команды. Не было только Мишки, да отчего-то задерживались девчата.

И тоже отошел немного в сторону и сел, свесив ноги над обрывом.

Терпко пылко с ближайшего тупа разомлаившая на солнце цветами и травами. Лунная дорожка едва обозначалась на потемневшем реке. Призрачно сияние ее заворачивало взгляд, располагало к раздумью.

Я строил догадки о том, как все-таки расценивал Мишка случай, происходящий сегодня с ним.

Вдур сизу, с той стороны, где пригнулись к берегу каски, до меня донеслись приглушенные голоса. Я сразу узнал наизуно речь Полины:

— А у меня от страха ноги точно отделились. Верно.

— Будет вам об этом! — недолговольно ответил Мишкин голос.

Ему повиновались. Наступила пауза. Потом волновалась вода.

— Посидел бы хоть с нами. Аль не правим?

Это Дуняша. Ее манера. Смело, однако. Пожаль, парни и правы. Есть в этой чернильной своей привлекательности. Полина плывет по жизни. А Дуня хватает ее за ушко. Первые нравятся с годами, а вторые — в молодости, когда кровь горячая и смелая дерзания.

Я ждал, что ответит Мишка. Он кракнул по-мушкетерски и спомал:

— Да ну вас совсем! Капа, поди, уж...

У воды сердито захрустела гравий. И когда этот хруст был почти рядом со мной, под его своеобразный аккомпанемент явственно понеслись песни. Пели ее на два голоса, грустно, протяжно. Слова можно было понять не все, по-моему, пелось в ней о парне бедовом да невинчатом.

Мишка заметил меня на фоне не потухшего еще беда. Нетерпко окликнул. Я отозвался. Он ловко вскарабкался по склону и тоже свесил вина ноги.

— А я насчет того же... начал он и полез в карманы брез. — Насчет училища узнай бы. Примут ли в летчики? Может, годками не вышел? Ты ведь в городе скоро будешь. Узнай, а? Вот адр в свой причес.

Я машинально прижал к его почти взрослой ладони ключок бумаги и спросил:

— Послушай, Мишка, а что, если б сохрался трос?

— Думашь, не боязно было? — расшифровал он мой вопрос. — Ещо как! Только после уж. Представил себе — аж явбло стало. Враз бы отлетелась... А тполая жаль. Такой красавец стоял.

Мишка замолчал, обхватив руками колени. Было темно, и я не видел глаза его, но почему-то был уверен, что светлялся в них хорошая грусть по небу, по дальним странам, по всему неизведанному, несвершенному, что ждало его впереди.

А у берега тонкой стружкой стекла в дрему девчата печальна:

В реке синяя волна,
Остается и одна...

ХОККЕЙ

В РАЗГОНЕ ХОККЕЙНОГО СЕЗОНА МАСТЕРА ХОККЕЯ ОСПАРИВАЮТ ДВА ПОЧЕТНЫХ ТИТУЛА: ЧЕМПИОНА СТРАНЫ ПО ХОККЕЮ С ШАЙБОЙ И ЧЕМПИОНА СТРАНЫ ПО ХОККЕЮ С МЯЧОМ. БИТВЫ НА ЛЕДЯНЫХ ПОЛЯХ ИДУТ, КАК ГОВОРИТСЯ, «НЕ НА ЖИЗНЬ, А НА СМЕРТЬ...» А ВПЕРЕДИ ЕЩЕ БОЛЕЕ ЖАРКИЕ СХВАТКИ! НЕ ЗА ГОРАМИ ОЧЕРЕДНОЕ ПЕРвенСТВО МИРА И ЕВРОПЫ ПО ХОККЕЮ С ШАЙБОЙ... ПУБЛИКУЕМАЯ НАМИ ПОДБОРКА КОРОТКИХ ЗАМЕТОК О ХОККЕЕ НАПОМИНИТ ЧИТАТЕЛЯМ ОБ ИСТОРИИ ПОПЛАВЛЕШИХ ЗИМНИХ ИГР, О ПРОШЛЫХ ПОДИНКАХ НА ЛЕДЯНЫХ ПОЛЯХ, О ТЕХ ХОККЕИСТАХ, КОТОРЫЕ СУМели прославить наш советский спорт...

СТО ЛЕТ НАЗАД

Представьте себе состязание, где игра ведется клюшными необычайно больших размеров, напоминающими огромные полати. Да-да, 103 лет назад, когда в Канаде — на родине

хоккея с шайбой — состоялся первый матч, игра выглядела именно такой. Огромные, неудобные клюшки и большая, темная шайба. Команды играли без замен. Разумеется, и хоккей был при этом однообразным, темп игры невысоким.

ЛУЧШИЕ ИЗ ЛУЧШИХ

На чемпионатах мира по хоккею с шайбой существует хорошая традиция отмечать призами лучших из лучших — первого вратаря, самого надежного защитника и наиболее сильного нападающего. Четверо советских хоккеистов удостоивались этих высоких наград. В 1954 году в Стокгольме лучшим нападающим мирового чемпионата был признан Всеволод Бобров. Лидер сборной нашей команды Николай Солovieв получил признание лучшего защитника в 1956 году в Корнелле д'Алессандо и в 1957 году в Москве. На первенства мира 1958 года, состоявшиеся в Осло, и в пропущенном первенстве, проходившем в Швейцарии, самым надежным защитником специалисты назвали Ивана Трегубова. А в 1959 году завоевал приз Николай Пучков, оказавшийся лучшим вратарем пражского хоккейного турнира.

ПЕРВЫЕ ЧЕМПИОНЫ

Любители спорта знают, что чемпионаты страны по хоккею с мячом разыгрываются регулярно с 1955 года. Но этого много лет проходил лишь розыгрыш Кубка СССР. Первые обладатели Кубка был, как известно, коллектив московского «Динамо» (1937 год). Но мало кто помнит, кто и еще раньше был чемпионом хоккея. Кто они?

В 1928 году состоялось всесоюзное междуведомственное первенство. Чемпионами стали хоккеисты «Динамо», выигравшие две встречи и одну закончившуюся вничью. За команду «Динамо» играли известные мастера своего времени: М. Янушин, Н. Медведев, П. Демитьев, К. Ивашин, Л. Корнеионов, П. Коротков, Вини и Вал. Федоровы и другие. В 1936 году первенств разыгрывали уже не ведомства, а отдельные клубные команды. Здесь успех сопутствовала московскому «Динамо». В составе команды выступали М. Янушин, П. Коротков, П. Савицкий, С. Ильин, К. Ивашин, Л. Корнеионов, Б. Свиридов, Е. Царев и другие.

КОЛЬКО ЛЕТ ХОККЕЮ С МЯЧОМ?

Действительно, сколько лет самой массовой зимней игре? Если говорить о хоккее как о спорте, придется признать: первые настоящие матчи по хоккею с мячом проведены в России в девяносто годах прошлого столетия. Это не столько раньше, чем начали играть в так называемый хоккей «бегущий» в Скандинавии. Ну, а если пойдут речь о развлекательных играх на льду, то тут придется сделать акцент на более дальнем прошлом.

С незапамятных времен русские люди катались на коньках. Так же дребенки и игры с мячом на льду. Назывались они по-разному: «люшки», «загон», «кубарь». Цель, как правило, состояла в том, чтобы провести шар из одного места в другое. Побойкала та чета — дуэт групп, которой удавалось это сделать быстрее.

Однако интерес хоккею с мячом как спорт. Первую настоящую команду организовали члены «Петербургского кружка любителей спорта» (совершенно — иркутком «Спорт»). Произошло это в 1898 году. Тогда 8 марта впервые состоялся матч, в котором играли команды «Балва» и «Черныш». Как видно, наш хоккей с мячом четыре года назад отметил свое 60-летие.

Русские хоккеисты уже на первых порах добились значительных успехов. Поназательно, что в 1907 году сильнейшая петербургская команда «Юношество», выступив в Германии, Норвегии и Швеции, победила в шести матчах, один закончила вничью и лишь один проиграла. Отличился было и общее соотношение мячей, которого добились петербургские хоккеисты. — 78 : 24!

АММ

ВАСИЛИЙ ТРОФИМОВ

Василий Трофимов! Его отличают знают любители спорта как футболиста. Но, помимо, еще известен Василий Трофимов как игрок в хоккей с мячом.

— В 1940 году впервые увидели на ледяной подошве этого невысокого крепкого... Проверяя Трофимов да были молниеносными. Выходя происился он с мячом за счет заштыкнул и неосторожным ударом направил мяч в ворота. Трофимов неслыханно было сдержан! Не случайно команда московского «Динамо» в который много лет играл Трофимов) завоевала Кубок СССР 12 раз из 15! Немалая заслуга в этом «Четкая» (так любовно звали любители спорта Трофимова).

Любопытно, что в последние годы своих выступлений на ледяной подошве Василий Трофимов был не только игроком, но и тренером московского «Динамо». И вконец ведомая и руководимая им команда стала чемпионом СССР. В прошлом сезоне Василий Трофимов снова отпраздновал победу. Команда, которую он тренирует — московское «Динамо» — вернула себе титул чемпиона страны.

КАК БЕРИС СТАЛ ПРОФЕССИОНАЛОМ

Канадцы, безусловно, сильные хоккеисты. Но они «славятся» и другим — своею грубостью. Они играют крайне резко, постоянно нарушая правила.

Любопытно в связи с этой историей талантливого игрока Чарли Бериса. В 1958 году на чемпионате мира в Осло он превалил всех своей техникой и корнерностью. Ему единодушно был присужден приз лучшего нападающего чемпионата. За что? Сам Берис, хот и был центральным нападающим, мало забивал голов. Но как много шайб было заброшено с его подачи! Берис обладал превосходными качествами — великолепно держал шайбу, молниеносно обводил соперников. Потом следовала точная передача — и кто-то из партнеров Бериса легко забивал гол!

Берис играл почти всегда, когда канадцы оставались в численном меньшинстве (а это случалось частенько). Нередко он по минуте водил шайбу, не отдавая ее соперникам. И в это время канадцы покуда добивались успеха. Например, матч со сборной Чехословакии они выиграли со счетом 6:0. И три шайбы из шести были забиты канадцами в то время, когда они находились на поле в численном меньшинстве!

Да, Чарли Берис был действительно отличным и очень корнерным нападающим. После чемпионата мира 1958 года он стал профессиональным хоккеистом. Но среди профессионалов не мог добиться успехов. О нем говорили коротко:

— Сашинком ую норвежцем. Никогда не вступит в драку. Никого не собьет. Такой для канадского хоккея не подходит.

ШЕСТЬ — ЧЕТЫРЕ — ТРИ!..

Победа хоккеистов московского «Динамо» в пригородном первенстве страны по хоккею с мячом весьма знаменательна. Во-первых, динамовцы восемь лет не могли стать чемпионами. Во-вторых, теперь по числу побед и первенств страна они вышли на второе место. Ранее прочно занимает хоккеисты свердловского СКА, завоевывавшие золотые медали шесть раз! Кроме них чемпионы были команды Москвы. У них три первых места.

- Приводим список официальных чемпионов Советского Союза по хоккею с мячом:
- 1936 г. — «Динамо» (Москва)
 - 1950 г. — «Динамо» (Москва)
 - 1951 г. — «Динамо» (Москва)
 - 1952 г. — «Динамо» (Москва)
 - 1953 г. — Дов офицеров (Свердловск)
 - 1954 г. — ЦСК МО
 - 1955 г. — ЦСК МО
 - 1956 г. — Дов офицеров (Свердловск)
 - 1957 г. — ЦСК МО
 - 1958 г. — Дов офицеров (Свердловск)
 - 1959 г. — СКА (Свердловск)
 - 1960 г. — СКА (Свердловск)
 - 1961 г. — «Динамо» (Москва)

ГУРЫШЕВ, БОБРОВ И ДРУГИЕ

В восьми мировых чемпионатах участвовали хоккеисты СССР. За это время они провели 58 матчей. Из них 46 выиграли, 3 закончили ничейно и 7 проиграли. Соотнесшая шайб — 374:114!

Кто же самый результативный из наших хоккеистов? Это Александр Гурьшев. Любопытно, что он вышел на первое место в день своего рождения. Случилось это в Праге в 1959 году. Тогда Гурьшев забил в ворота финнов два гола. И они позволили ветерану нашей сборной отпереть по числу заброшенных шайб другого ветерана — Всеволода Боброва.

Вот как выглядит сейчас первая десятка хоккеистов, забивших наибольшее количество шайб в играх мировых чемпионатов: А. Гурьшев — 36 шайб, В. Бобров — 34, К. Лоттев и В. Александров — по 32, В. Шувалов — 19, Н. Солонгуев и Н. Телугуев — по 14, Ю. Крылова и Ю. Пантюхов — по 13, В. Кузин и В. Якушев — по 11.

В последнем первенстве мира наибольшее число шайб из наших хоккеистов забросил дебютант сборной В. Старшинов — 8. Любопытно, что и вса тройка дебютантов оказалась самой результативной. В. Старшов забросил 6 шайб, а Е. Малоров — 4. Что и, поистине боевое начало!

29-й и 40-й

29-й и 40-й. Именно так. Предстоящий в нынешнем году чемпионат мира по хоккею с шайбой будет по счету 29-м, а чемпионат Европы — 40-м!

Уже многие десятилетия разрабатываются титулы чемпионов мира и Европы по хоккею с шайбой. Первый европейский турнир был проведен в 1910 году. Звание мирового чемпиона хоккеисты начали присваивать на Олимпийских играх 1920, 1924 и 1928 годов. С 1936 года европейские чемпионаты переходили в мировые. Любопытно, что наши хоккеисты впервые начали ступить участвовать в мировых первенствах. Дебют советской

сборной на чемпионате мира состоялся в 1936 году в Стокгольме.

29 раз присуждался титул чемпионов мира. Большая доля успехов досталась хоккеистам Канады. Они были сильнейшими 19 раз. По два раза завоевывали мировую хоккейную «корону» спортсмены СССР в чемпионатах США и Швейцарии. Один раз первенство мира досталось англичанам. В чемпионате Европы наибольшее число побед у хоккеистов Чехословакии — 10. У команды Швеции — 8 первых мест. Советские спортсмены стали сильнейшими на континенте 6 раз. Кроме того, европейскими чемпионами стали хоккеисты по 4 раза — команды Англии и Швейцарии, трижды — спортсмены Германии, дважды — команды Австрии и по одному разу — бельгийцы и французы.

Рисунки В. ЧЕЛОВЕКОВА.

ЗДРАВСТВУЙТЕ,

Дто — письмо-отречение, письмо-исповедь. Мне двадцать девять лет. В Бога я поверил давно, со школьной скамьи. Родители, заняты своими делами, смотрели на мое религиозное увлечение спокойно: мол, со временем пройдет, лишь бы не хулиганил и в дурную компанию не попал. В четырнадцать лет я уже прекрасно знал Библию, знал наизусть весь молитвенник, катехизис. Я набегал мир спортивных занятий, соборов (к тому же в школе на это обращали мало внимания), носил крестик, четки. Я был тихим, незаметным мальчиком. Учителя оставались довольны и моей дисциплиной и моей учебой, родители — тем, что со мной не было хлопот.

Никто ни разу не пытался беседовать со мной, хотя все знали про мои церковные увлечения. Родители не ходили в церковь, а я посещал ее, прислуживая в алтаре и делая это с таким религиозным усердием, что вызвал восхищение среди верующих. Мне это нравилось, листило, что на меня обращали внимание, а в беседах я оказывался таким осведомленным в священном писании, так убежденно толковал его, что верующие старуки только умилялись и крестились, слушая меня. В 1933 году в городе Усолье-Сибирское, Иркутской области, вернувшись из армии, я возглавил при Доме культуры городской театр кукол, который я создав еще до армии, и руководил им несколько лет. В то же время я был комсоргом культпросветучреждений города. Так в моей жизни совмещались правда и ложь.

Религия отнимала у меня мысли, силы, время. Я был верующий, а значит, инкомкомиссияция, не той, как все, кто меня окружал. Их интересы, заботы, планы были далеки от моих, я их не понимал. Я стал замкнутым, неразговорчивым, потому что носил в себе тайну. И тайна эта подчинила меня, сделала своим рабом. Я все дальше уходил от людей, от настоящей, интересной жизни.

Многие товарищи, видя мою отчужденность, подавленность, пытались поговорить со мной, вызвать на откровенность, искрение предлагали помощь, поддержку. Но чем я им мог ответить? Так вторая моя, «закулисная», жизнь отняла у меня и друзей и знакомых.

Сложный путь прошел я, разные были дороги, неясные цели, путаные мысли. Именно поэтому, как я теперь понял, меня пресле-

довали неудачи. Замыслы мои оставались несущественными, планы — мифами, дела не увенчивались желаемыми успехами. Я оказался надломленным, потерял веру в людей, в свои дела, жил без будущего, равнодушно, одиноко... Ко мне потом приход несчастье, которое окончательно убило меня морально: я потерял семью и остался один.

Я был в отчаянии. Метался с места на место: Кузбасс, Горький, Куйбышев, Тамбов, Заполырье... И нигде не мог найти работы по душе. Я потерял почву под ногами. Из комсомола механически выбыл, билет уничтожил.

И вот однажды, находясь в одном из городов Заполырья, я решил уйти из жизни, потому что другого выхода не находил. Я пришел на вокзал. Стоя в стороне от людей, я ждал поезда, чтобы броситься под колеса. Я привлек к

себя внимание человека, который, как оказалось, долго наблюдал за мной. Точно связав сон, я слышал ласковый голос этого человека. Он увел меня с вокзала. Мой знакомый оказался священником местной церкви. Так я познакомился с человеком, который спас меня от страшного шага. Он рассказал обо мне прихожанам, и буквально все стали оказывать мне внимание: подарили пальто, ботинки, носки, рубашку, мыло, деньги, продукты. Одним словом, все активно помогали и ободрали меня.

— Крепись, — говорили они, — ты не один, господь бог поможет тебе невидимым путем. Молись, проси у него ободрения и спасения, чтобы настали тебе в истинный путь. Ты избранный Божий, тебя господь испытывает. Вот видишь, Божий человек спас тебя... И быть же тому, что спас меня

НОВОГОДНИЕ ПОЖЕЛАНИЯ СПОРТСМЕНАМ

Евг. ИЛЬИН

Валентине Стениной

Пусть спешит на конькобежной трассе, Оставаясь (много ли так!) Третий год в одном и том же классе — Класса чемпионов мирового!

Ноне Гаприндашвили

У Ноны Интерес законный К фазону Шахматной короны.

Сборной футбольной

Приветственные эти строчки Приниме как задание на год:

Победы прошлые — цветочки, Теперь мы ждем от вас «САНТ-ЯГОДИ»

Анатолию Михайлову

Барьер за барьером проходит он чисто, Красис и стремителен бег барьериста. Так почему бы ему, напрыгнер, Не взять мирового рекорда барьер?

Галине Бакшеевой

Пусть подной меткой Выигравает сету — У девушки с ракеткой Стремительность ракеты!

Юрию Власову

Исчерпан далеко не весь «Рекордистин запас», Любой спортсмен, берущий вес, Равняется на вас!

Московскому «Спартаку»

Пусть вновь «Спартак» играет с жаром, Чтоб мне племянник молвил так: «Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва болелет за «Спартак!»

столько о боге, сколько о выгодных приходах, о назначениях в епископы, о деньгах, о красивых женщинах, о праздниках, о религиозных праздниках, где можно пожить обильные годы за счет верующих.

Видя мое смущение и смывание, неистовый Сургачевский епископ Загорск архимандрит Пимен решил успокоить меня:

— Такие люди, как ты, нам очень нужны. Ты, раб божий, человек чистый, избранный Богом. Мы позаботимся о тебе достойно. Долго не будешь в стенах монастыря простым монахом, сделаем тебя иеромонахом, а потом епископом. Нам ведь нужны молодые люди, знающие церковное дело. Старик угасает, а молодежь, сам видишь, единицы остаются. Епископская зарплата твою будет десять, двенадцать тысяч рублей в месяц (старыми деньгами). А при троих-то способностях и еще больше будет денег. К тому же у тебя есть талант...

— Шли дни в размышлениях, в молитве и посте, и вместе с этим проходили новые сомнения и огорчения. Я решил уйти из епископства и отдать любую епархию поработать для церкви.

Мне посоветовали поехать в Крымскую епархию и потрудиться там на славу. Там епископ Лука, который среди верующих слыл бесстрашником, ревностным пастырем стада Христового.

Несколько раз мне довелось быть в Крыму на епархиальном управлении (как ты заметил, это целый городок с двухэтажными домами, покоями, кабинетами, гостиной, где живет всего лишь два человека). Визуально приглядываясь к порядку духовных чиновников. И здесь, как в монастыре, постоянно слышал непрекращающийся стук колоколов, видел взаимную грязно и торопливую жаждность попов, безысходность и даже обреченность монахов.

А баснословные женитьбы и разводы диакона Николая, а пышно благоустроенного собора Епалаторы отца Михаила. Написал обо всем этом я письмо Луке, отдал в канцелярию епархии, но письмо так и осталось без ответа. Не любя, видно, критику святые отцы алтаря господнего! Самобичевание не для нас. Много раз слышала, о чем говорили сами верующие в греческом соборе Симферополя. Их возмущало обилие церковных кружек, доставая установленный в храм. Во время молитвы подходит к тебе служба с подносом: «Жертвую на содержание хранил — жертвую»; подходит второй с подносом: «Жертвую на содержание хора!» — жертвую»; идет и третий с подносом: надо жертвовать на содержание припта.

Помыслившись, пододвигаю себя поближе к иконе — стоит кружка; подхожу к святому мощам — кружка; у распятия Христа — опять кружка; возле чудотворной иконы Фрунз — опять кружка, потому что бед денег нудно не совершается, без занных даров небесного исцеления нет. Исповедуешься — плати, миропомазание — плати, причастия — плати, хлебъ взял — плати. И выходит, только и думай, куда надо жертвовать, о божьего дельца некуда...

Одними в февраль не узнали,

что воры ограбили квартиру отца Макария, и взяли у хозяйки... 9 600 рублей и призвали золотые вещи. В ту же ночь воры похитили и другого лоу, Бориса, 7 400 рублей, золотые вещи и драгоценности. В данном случае воры выполнили обязанности ревизора!

И это творится в Крымской епархии, у прославленного архиепископа Луки! Что же делается тогда в других приходах! И в Каменском монастыре я в гостях в городе Загорском у архимандрита Августина (монах с 26-летним монашеским стажем). То, что я увидел, поразило меня. Распушченность, а также отсутствие на советские законы, жаждность... А вот жизнь астраханского епископа Иона. Пьяные оргии, дорогие вина, покупки для любования драгоценностями. Из каких это источников?

Митрополит Кировоградский, Николайский и Херсонский Нестор занемог прекрасный особиям, обстоятельствам, а также и крестничеству два персональные автоматами, купленные, конечно, не за свои деньги, хотя это старец Нестор получает «зарплату» 900 рублей в месяц, и это не считая премиальных, которых только в прошлом году он получил 1 000 рублей. Скажите, за что и кто ему их дал? Единству свое руководство. При своем домашней церкви митрополит содержит целый штат монахов и монахинь. Домашняя церковь митрополита Нестора — это три храма.

Большинство верующих неизвестны эти черные дела. Находясь в плену религиозных предрассудков, они считают «святы» отцов церковных, «святых» настоятелей. Я же окончательно потерял уважение к служителям церкви. Быть таким же, как они! Призывать людей к нравственному совершенству и к добродетели, а самим влезать в карман к человеку-труженику, являть собой пример ханжества, стяжательства, чревоугодия и всех отрицательных качеств, которые превращают человека в подобие животного? Нет, на это я не пойду! Путь монаха не ведет к спайденной души. Жить на советской земле и обманывать людей, прикрываясь монашеским клобуком, добывать себе материальные блага ценой постыдных сделок со своей совестью? Нет, нет, я не могу!

Противоречия, которые я видел в окружающей жизни, заставили меня более критически подойти и к теории религии. Я стал внимательно читать строки священного писания. И здесь я обнаружил множество противоречий. Я понял, что мир о Христе, о боже, о совершенном сотворении мира, о бессмертии души — все это придумано церковью. Придумано для того, чтобы сделать из человека раба, заставить его покориться, терпеть, не сопротивляться.

Жизнь, наука развивают все церковные догмы. Лично для меня смельчаче Юрия Гагарина и Германа Титова в космос имели большое значение. Это был первый визит человека к богу. Церковь учит, что небо является больным жильем, где будто бы в господстве бога простота и все необходимо для управления миром на земной дяд — бесчисленное количество воинов и т. д. Если это так, то как могло получиться, что без всякого разрешения и безнравственным властям вдруг ворвались

туда противники бога Юрий Гагарин и Герман Титов? Оба космополиты, безбожники-коммунисты, которые встрелили так называемый «кортар» за нарушение священных границ небесного царства и живыми вернулись на Землю. Господь не наказал их, а только был за дерзость! Помочь же? Испугаться их!

Бог рисуется всемогущим и всеудущим. Но откуда же взялись его соперник и яростный противник сатана, который сбивает людей с правильного пути, а всеблагодать Бог, пользуется его услугой, толкает людей в ад? Этого подобия церковь не признает, что якобы один из ангелов возмездия был равным богу и вышел из его подчинения. А бог вместо того, чтобы сразу позавать его в кандалы и направить в ад, оставил его ненаказанным и тем самым дал ему полную власть, с которой, как мы видим, и сам бог не может справиться.

Я davvero (жалко, что поздно) разоблачил во всей сложности этого трудного для меня становления, радости, порываю с церковью, покидаю монастырь, и прошло около года, прошедших в религиозном кликушестве.

Горькие размышления, тяжкие думы, зря провавшие молодые годы и труды...

А только ли со мной это происходит? Вот почему при написании этого письма я не допускал ни крикушества, ни пристрастия, а стремился только к одному — правде.

Я хочу, чтобы тот молодой человек, который встретил меня, не совершил ошибки, подобной моей. Мой дорогой неизвестный друг, подавай над этим письмом, крепко изучай. И не попадайся в сети уморительного марксизма. Если же попал, верь пути, уходи от гнили и фальши, каким бы крестом и Богом это ни прикрывали. Не поддавайся, ищи истинный мир, к людям, которые строят этот мир. Знаю, не так это просто и легко. Но надо уметь быть мужественным гражданином своей Родины.

Точно черная пелена ушла с моей души. Я как будто прозрел. Я увидел, как интересна, содержательна жизнь вокруг меня. Люди живут, работают не ради спасения своей души и не для того, чтобы повисеть в рай. Нет, люди живут ради огромного содержания и смысла, ради радости трудностям, борьбы и доблестно побед. Советский человек живет для себя и для мира, для общего блага, для счастья своего дня. Я испытываю это явление, эту поддержку уже сейчас.

Церковники же хотели обить и меня даже самый впуск к жизни!

Я понял, что только среди людей, в коллективе найду себя и свою новую жизнь. Я понял, что люблю и должен любить людей, не отравленный религиозным дурманом, во сто крат человечнее, откровеннее и благороднее любого священника.

Моральный кодекс строителя коммунизма, по которому строят сейчас жизнь тысячи советских людей, и есть основа, на которой строится новая, самая нравственная нового, самого гуманного человека.

Я слышал, что вернулся к людям.

В. ДУШКИН

г. Симферополь

Ито бывает в кафе «Молодожены», спрятанном в Москве, на улице Горького, неподалеку от площади Марковского? Нову оно по душе?

На эти вопросы удачно отвечают книги отзывов посетителей. Записи несомненно необычны, как и само кафе, созданное по инициативе московских комсомольцев.

«Впервые мы в этом кафе. Замечательно после рабочего дня посидеть и отдохнуть... Молодожены»: «Восхищен обстановкой непринужденности и молодости, в которой даже пятидесятилетний чувствует себя, как в двадцать лет...»

В книгах отзывов встречаются даже стихи, зарисовки. Под всем этим — подписи рабочих, студентов, слушающих Москвы и приезжих.

Кафе нравится всем. Это заслуга энтузиастов. В частности, весь интерьер — внутреннее оформление кафе — плод мысли художника-архитектора З. А. Грибановой и молодого архитектора Владимира Кельца. Их труд радует глаз, поднимает настроение. В кафе ничто не бьет в глаза, не утомляет,

посетителей встречает обстановкой исключительности и уюта.

Здесь можно посмотреть телевизор, сыграть в шахматы, поспорить о новом фильме, потанцевать, послушать джаз. На музмангатах нет традиционных ресторанных фрианов. Эти молодые люди (истати, играют они мастерски) одеваются просто, как все посетители.

Кафе стало любимым местом студенческих вечеров, дружеских встреч товарищей по профессии и даже немосквитинских свадоб. Застава кафе — и услуг посетителям: здесь они читают свои стихи, поют, играют. Частые гости кафе — самодеятельные художественные коллективы московских вузов и предприятий. Выступают и молодые композиторы, артисты, художники.

В кафе есть директор и совет, в который вошли двенадцать молодых людей, принимавших самое деятельное участие в создании кафе. В их числе — рабочие-фрезеровщик, мастер цеха, архитектор, слушатели, ученые.

По вечерам члены совета по очереди дежурят в кафе, принимая гостей, наблюдая за порядком. Дважды в месяц они собираются, чтобы обсудить текущие дела (совет утверждает даже меню, по его решению в кафе нет крепких напитков). Но главное, чем заботятся члены совета, — это как развлечь гостей, как сделать приятное и полезное для молодежи вечер, проведенный в кафе «Молодожены».

Фото М. МУРАЗОВА.

Первая страница обложки: Юрий Нечаяв работает наравном с строителями Вратской ГЭС и отлично справляется со своими обязанностями. Его бригада завоевала звание коммунистической. Впрочем, с таким же успехом Юрий Нечаяв может нести трудовую вихту и на других участках стройки; у молодого рабочего несколько разных специальностей. А по вечерам Юрий допоздна засиживается над учебниками, конспектами, чертежами... Решил получить среднее образование, Юрий Нечаяв поступил в школу рабочей молодежи.

Фото Г. ДУВИНСКОГО.

Четвертая страница обложки: Давно привычным стал этот удивительный пейзаж: раздвигая лес, уходит вдаль речисские артерии нашу страну. Они несут живительную силу по все уголки необжитой советской земли.

Фото В. РЯВИННА.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, В-66, Спартановская, 2-а.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Коммутатор Е 1-70-20.

Для справок — доб. 2-42; отделы: литературы и искусства — доб. 2-10; очерки и публицистика — доб. 3-32; междугородной связи — доб. 3-21; факсулатуры и спорта — доб. 3-44; информация — Е 7-65-52; писем — доб. 2-33; науки и техники — Е 7-65-82; сатиры и юмора — доб. 4-79; оформления — Е 7-51-52.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редакторы: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, С. В. Егоров [ответственный секретарь], Е. А. Ночетов, В. Л. Разуминович [заместитель главного редактора], Е. И. Рыбчинский, А. А. Сосин, Б. И. Степанов.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор А. Б. Стуков.

Оформление В. Недогонова.

Технический редактор Н. Вуджина.

А 00403. Подписано к печати 29/ХІІ 1961 г.
Тираж 800 000 экз. Изд. № 123.
Заказ № 3244. Формат бумаги 70x108/8.
2 б. л. — 5,48 и. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда», Москва, ул. «Правды», 24.

К л у б
Л ю б и т е л е й
Ш у т к и

— Зачем вы притворяетесь немим?
— А у меня язык не поворачивается попросишката.

Рисунок Л. Караваева.

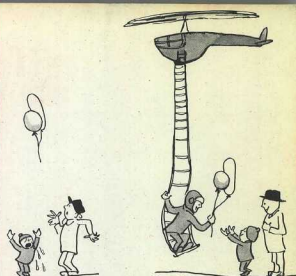

Рисунок А. Шабанова

Не тот Федот

На редкость упорно, настойчиво, рьяно
Работает токарь Раззучгин Федот,
Досрочно всегда выполняет он планы,
Он за день две нормы частенько дает.
Порою и больше!

Работу он знает,
Ошибку болсы допустить второпях,
Раззучгин внимательно очень считает:
«Две нормы...»

А сколько же это в рублях?
Хорошая сумма!

Но все же мала —
Зарплату солидную имел я когда-то.
Конечно, и норма понижке была,
А норма чем ниже,

тем выше зарплата»,
Раззучгин идет, возмущаясь, а зекном.
Различных претензий имеется масса,
«Завысили норму!»

Хотят целиком
Попасть интересы рабочего класса!
Подходит к рабочим: «Я жалобу тут
Состряпал,

Давайте подпишем — и в «Труд».
Директора правильно мы огоршим!»
Рабочие в гневе: «Когда наконец
Раззучгин насытится!»

Он ведь за гроши
Подставит и шкуру свою под резец,
Пускай подставляет!

Мы даже помонем —
Обточим,
Чтоб не был таким толстоногим!»
Не раз говорили товарищи с ним:
«Ты с делом знаком —

помоги молодым».
Федотом вопрос этот сразу был понят:
«Помочь?

Чтоб догнали меня?
Погоди...
Ведь если меня все возьмут и догонят,
Танк, значит, не быть мне уже впереди.
Нашли дурака!

Нет, не выйдет!
И, кстати,
Мне помощь такую никто не оплатит.
Потому знать ничего не желаю!»
Федот наблюдает с семнадцатилет
Своей привычкой:

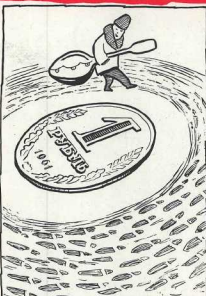
«Станок мой находится с нраю,
И, значит, до дел ваших
дела мне нет».

* * *

...Узнав об успехах Федота в работе,
Нелюбо я думаю сперва о Федоте:
«Дает по две нормы!»

Вот это Федоти!
А что оказалось?
Федот, да не тот!

Р. КИРЕЕВ

Круг его интересов.

Рисунок В. Блюзового
(г. Иваново).

— А, говорят, если к холоде-
му приловачишься, шинки не бу-
дет!».

Рисунок М. Марьямова.

Ни сна, ни отдыха измученной
душе!

Рисунок М. Наширина.

Рисунок З. Гольдштейна
(г. Минск).

Зачитались.

Рисунок Е. Недогонова
по теме В. Тка-

Жертва моды.

Рисунок С. Спассного
по теме А. Ларионова.

